

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ

БИБЛИОТЕЧКА ЦЕНТРА РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ

ИМИДЖ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ
праваистории.рф
truthrussia.ru

Б.Н. БЕССОНОВ

СОВЕТСКИЙ НАРОД – СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В четырех частях. Часть третья

Москва
Гуманитарий

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ

Серия

«Библиотечка Центра развития
социально-гуманитарных проектов»

Из цикла

«ИМИДЖ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ»
праваистории.рф
truthrussia.ru

Б.Н. БЕССОНОВ

СОВЕТСКИЙ НАРОД – СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В четырех частях. Часть третья

Москва
Гуманитарий
2015

УДК 94(47+57)"1941/1945"

ББК 63.3(2)622

Б53

Бессонов, Борис Николаевич.

Советский народ – спаситель человечества. В 4 ч. Ч. 3 / Б. Н. Бессонов ; Нац. фонд поддержки социал. программ, Центр развития социал.-гуманитар. проектов. – М. : Гуманитарий, 2015. – 64 с. : ил. – (Серия "Библиотечка Центра развития социально-гуманитарных проектов". Из цикла "Имидж России в контексте исторической правды"). – ISBN 978-5-91367-117-2.

В нынешнем – 2015 году наш народ, все честные люди торжественно отмечают 70-летие Великой Победы над фашизмом. Эта годовщина Победы побуждает нас с уважением и благодарностью вспомнить всех тех, кто самоотверженно сражался с фашизмом, кто был его мучеником, кто отдал свою жизнь на алтарь великой победы над фашизмом.

Советские, российские ученые, исследователи из многих других стран, начиная с 20 – 30-х годов XX в., разоблачали и разоблачают классовую суть фашизма, жестокий характер его господства и диктатуры, направленные против прогрессивных слоев общества и демократии, агрессивные, империалистические устремления фашизма, захватнические, грабительские планы, преступные, бесчеловечные цели.

Долг перед советским народом, перед памятью тех, кто сражался и победил фашизм, требует выступить против фальсификаторов истории, еще раз вернуться к феномену фашизма, чтобы разоблачить его преступное лицо и подчеркнуть величие борьбы и победы над фашизмом нашего великого народа.

ББК 63.3(2)622

При реализации проекта использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 25.07.2014 №243-рп и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России

ISBN 978-5-91367-117-2

© Национальный Фонд Поддержки
Социальных Программ, 2015

© Академия гуманитарных исследований, 2015

© Издательский дом «Гуманитарий», 2015

© Б.Н. Бессонов, 2015

Советский народ — спаситель человечества

Часть третья

В своих идеологических построениях фашисты широко использовали также идеи О. Шпенглера (1880–1936), разумеется, как и в случае с идеями Ф. Ницше, в урезанном, искривленном, фальсифицированном виде. Фашистским идеологам импонировали нападки О. Шпенглера на разум и рационализм, на демократию и марксистский социализм, им нравилось его воспевание милитаризма и войны, его аристократизм и расизм, его псевдореволюционный нигилизм.

В книге «Годы решений» О. Шпенглер решительно отвергает рационализм. Рационализм — это надменность городского, оторванного от корней духа, которым не руководит более сильные инстинкты, который презирает полнокровие мышления прошлого и мудрость крестьянских поколений. Рационализм страшится действительности, душевно туп, потому что его носительница — лишенная корней городская интеллигенция. Плоский оптимизм филистеров от образования, не понимая сущности фактов истории и не переживая их, вставляет их в свои системы, далекие от действительности. Рационализм в принципе есть критика, а критика есть противоположность творчества; она только разлагает и составляет; созидание ей чуждо. Продукт рационализма — искусственный, безжизненный. К рационализму в равной степени относятся как гуманизм, так и материализм, как Кант, так и Гегель, утверждает О. Шпенглер.

Но историческая судьба человечества зависит от других сил. История человечества — это история войн. Идеалисты и материалисты со своими утопиями — социальные романтики. Они тяготеют к массе, надеясь в ней избавиться от своих сла-

бостей, умножить себя. И это они называют преодолением индивидуализма! – саркастически восклицает Шпенглер.

Все эти либерализм, пацифизм, коммунизм – проявления слабости городской интеллигенции, не понимающей значения традиции. Все они буржуазны и плебейски в худшем смысле этих слов.

Любой вид величия, все, что возвышается, превосходит, господствует, этим сентиментальным теориям ненавистно. Народ для интеллигенции всего лишь бесформенная масса, которую каждый находит себе равной, от «пролетариата» до «человечества». На самом деле народ – это историческая нация, сформированная судьбой в течение долгого времени. Нация едина, она не знает никаких классов.

На смену рационализму приходит истинно историческое мышление, которое учит уважать факты истории, описывает их, а «не объясняет», не втискивает в некую понятийную схематическую систему.

Но понять историю могут только люди сильной расы, ощущающие, что значит опасность. Жизнь в мире, в счастье, вне опасности скучна, она для стариков. Да и нет такой жизни, это иллюзия. Жизнь в опасности – действительная историческая жизнь. Человек – хищник. Все великие хищники – благородные создания, отвергающие лживую, слабую человеческую мораль. Да и о морали говорят те же хищники, только со сломанными зубами. Движущей силой истории всегда были и будут воля сильных, воля к владению и к власти, здоровый инстинкт, раса; мечты же о мире, счастье и справедливости всегда будут бездейственными, утверждает Шпенглер.

Сегодня нет места для мягких душ и слабых идеалов. Глубокому взгляду на мир не нужны слезы. На месте плачущих улучшателей мира должны сегодня прийти цезари.

Переходя к конкретным обстоятельствам жизни Германии, О. Шпенглер резко осудил Ноябрьскую революцию 1918 г.: «предательство низшей частью нашего народа его сильной, воскресшей в 1914 году, которая могла обеспечить будущее Германии», и Веймарской республики, «укрепившейся на нашем горе с помощью наших врагов, чтобы сделать невозможным будущее Германии».

Демократия, выборы всегда приводят на анансцену социальной жизни неполноценных. С точки зрения демократии

аристократизм, превосходство, вкус, любой внутренний ранг, манеры – преступление; национальная идея, государственное величие, семья, религия, нравственность, – старомодны и реакционны. Философ взывает: нам в Германии сегодня необходимо возродить пруссачество, которое двигало нас вперед с 1870 г. по 1914 г. и которое всегда присутствует в нашей душе как постоянная возможность. Ее нужно пробудить и это можно сделать посредством жизненного примера и моральной самодисциплины руководящего слоя. Нордическое мироощущение, характерное для древнего крестьянства, просыпается в немецком народе; снова просыпается сейчас, когда культура умирает и начинается цивилизация, несущая в себе здоровую воинственную радость, непрерывающийся инстинкт арийской расы. Это трагическое чувство расцветает всегда в самые тяжелые моменты человеческой судьбы. Оно показало себя в первую мировую войну. Покажет и сейчас.

Стремясь дискредитировать идеи марксистского социализма, О. Шпенглер использовал националистические лозунги, раздувал национальные особенности и различия в международном движении пролетариата. «Счастье всех людей – бессмысленная идея», – нападает он на марксистский социализм. «Мировое гражданство – жалкая формула».

Принадлежность к определенной национальной общности является, по О. Шпенглеру, необходимым условием, при котором жизнь приобретает «смысл и глубину». Чем полнее ощущение национальной ограниченности, тем большее значение и ценность приобретает «жизнь». Социализм так же национален, как искусство, математика и философия. «В каждой стране свой социализм. Рабочих движений существует столько же, сколько имеется сегодня отдельно живущих рас»¹⁶⁰. Они, утверждает О. Шпенглер, относятся друг к другу с такой же ненавистью, как и соответствующие народы. Доказательство этому он видит в том, что в первую мировую войну против Германии вместе с буржуазией якобы выступал и пролетариат всех стран Антанты.

О. Шпенглер здесь фальсифицирует факты. Он отождествляет с рабочим классом лидеров социал-демократии, которые своей поддержкой буржуазных правительств действительно предали интересы как трудящихся собственной страны, так и международного пролетариата. О. Шпенглер

еще больше фальсифицирует суть социализма, когда заявляет, что подлинный социализм совпадает с «пруссачеством»¹⁶¹; пруссачество, сегодняшний прусский социализм берет начало у германских рыцарских орденов, которые охраняли границы фаустовской культуры от Азии. Прусский социализм – это этическая установка, она яростно проявилась в 1914 году, – особенно в стойкости немецкой армии, – но в 1918 году была предана партиями. Партии породили «пролетариат», привилегированное сословие, претендующее только на права, но не имеющее никаких обязанностей. Если он победит, общество погибнет. В этой связи О. Шпенглер вновь ожесточенно нападает на марксизм, который мешает развитию подлинного, прусского социализма, стремясь одну часть немецкого народа якобы искусственно противопоставить другой. И хотя О. Шпенглер уверяет, что никакого рабочего класса в действительности не существует, что есть только одно целое – нация, народ, тем не менее его истинное убеждение состоит в том, что первым и настоящим сословием в народе является аристократия.

Для подтверждения своего тезиса о разделении общества на творческую элиту и массу О. Шпенглер ссылается на «цивилизацию», технический и научный прогресс. В книге «Человек и техника» он пишет, что техника разделила людей на две части. С одной стороны, на заводах, фабриках, шахтах «собирается человеческая масса гигантских размеров, которая пасется машинной техникой, для нее работает и живет». С другой стороны, «массам противостоит и массой руководит элита – небольшое число творческих голов, организаторов, открывателей, пионеров». И, разумеется, Шпенглер на стороне тех, кто принадлежит к элите, на стороне сильного, свободного человека, не признающего стадного «мы»¹⁶².

Все же О. Шпенглер советует правящим классам, элите считаться с трудящимися, этим «придающим себе значение» сословием. Он увещевает господствующие круги «освободиться» от классового эгоизма, предостерегает их не выступать открыто против демократии, поскольку демократия – это «политическая форма нашей эпохи, признаем мы это или нет». Если «высшее» сословие не хочет погибнуть, оно должно «сознательно» встать на сторону «социализма», разумеется, социализма прусского, ибо существует только он.

Шпенглер был, пожалуй, первым из противников социализма, который взял на вооружение псевдосоциалистическую фразеологию. Защищая немецкий капитализм, он уверял трудящихся, что это как раз тот «социализм», какой им нужен. О. Шпенглер надеялся, что правящий класс с помощью «авторитарного социализма» сумеет спастись от революций, от «деспотии» масс.

Фашизм, национал-социализм — свидетельство того, что национальное движение возрождается. Фашистский цезаризм спасет Германию, воспитает ее в воинственном прусском духе, заявляет О. Шпенглер.

Многие из «идей» О. Шпенглера фашисты почти без изменения включили в свою идеологию. Конечно, у фашистов существовали определенные разногласия с ним (в частности, у Гитлера была стычка с философом в связи с неприятием последним фашистского антисемитизма). Тем не менее совершенно очевидно: генезис некоторых «краеугольных» фашистских идей во многом идет от идей О. Шпенглера. Фашисты восприняли от философа отказ от разума, отрицание причинных связей и законов¹⁶³, подмену их мистическим учением о «душе», которой якобы наделена каждая культура, каждая «раса», о непреодолимости «судьбы» и т. п. О. Шпенглер пришелся по вкусу фашистам потому, что проповедовал общественное неравенство, деление на избранных, «имеющих врожденное право повелевать», и подчиненных, «дистанцирование» и т. п. Они восприняли его ненависть к революционному рабочему движению, к марксизму и интернационализму («никакой речи о мировом гражданстве»), его проповедь особого национального «прусского социализма». Фашистам импонировали рассуждения философа о войне как «вечной форме высшего человеческого бытия», его требование обуздать рабочих, его апелляция к «воинственности» «северной расы» — избранной расы, якобы создавшей и единственно способной защитить западную культуру¹⁶⁴.

Большое воздействие на формирование принципов фашистской идеологии оказали также взгляды Г. Лебона, В. Парето, Г. Моски и других «основоположников» теории элиты, т. е. господства избранного меньшинства над подчиненным большинством. Особенно сильное влияние на фашистских идеологов оказал французский философ и социолог Г. Лебон,

которым, как это признают они сами, зачитывались Гитлер и Муссолини. Г. Лебон исходил из принципа, что всякое общество неизбежно делится от природы на «высших» и «низших» людей. Это природное неравенство составляет «известную долю тех несправедливостей, которых так много в природе и которым волей-неволей человек должен подчиняться»¹⁶⁵. Народ с точки зрения умственного развития, говорит Г. Лебон, можно рассматривать как здание вроде пирамиды с уступами, большая часть которых образуется широкими массами населения, «низшими» людьми, лишенными развитых интеллектуальных способностей, не умеющих мыслить и рассуждать. Из этого вытекает их «большая доверчивость и полное отсутствие критического духа», их отличительная особенность — склонность к подражанию, а единственным руководителем для них является, по выражению Г. Лебона, «инстинкт момента»¹⁶⁶.

Верхние уступы пирамиды — это немногочисленная верхушка, «аристократы духа», которые составляют одну из главных основ цивилизации, именно они строят ее «здание».

По всем этим причинам, вещает Г. Лебон, всякое равенство — это только химера. Оно лишь слепая надежда обыкновенных посредственностей. Больше того, утверждает Г. Лебон, неравенство между индивидуумами, между «высшими» и «низшими» слоями по мере развития цивилизации все более и более углубляется. Условия современной промышленной эволюции обрекают «низшие» слои народов на весьма специализированный труд, который приводит к «понижению» их умственного уровня. Сто лет тому назад, отмечает Г. Лебон, рабочий был истинным виртуозом, способным выполнить все подробности какого-нибудь механизма. В начале XX в. он выполняет лишь одну какую-либо функцию механизма. Мало-помалу ум его совершенно атрофируется. Напротив, промышленник или инженер, «подталкиваемый открытиями и конкуренцией», вынужден, по Г. Лебону, накапливать в себе несравненно больше познаний, духа инициативы и изобретательности, чем тот же промышленник и тот же инженер сто лет тому назад. Как видим, Г. Лебон уловил объективные тенденции развития капиталистического промышленного производства, которое низводит работника до простого придатка к машине. Однако он, предвосхищая аргументацию

современных буржуазных идеологов, пытается связать упадок, деградацию капиталистического общества непосредственно с научно-техническим прогрессом, способствующим, по его мнению, становлению «одномерного, массового человека».

Лебон не останавливается на признании неравенства между «верхними» и «нижними» слоями народа. Он утверждает, что и между народами ни о каком равенстве не может быть и речи. Первобытные и «низшие» расы, так же как и «низшие» слои отдельного народа, характеризуются утратой способности к рассуждению, сравнению и ассоциированию идей. В своих действиях они руководствуются иррациональными побуждениями, первыми впечатлениями и инстинктом подражания, причем, как и в случае с отдельным народом, прогрессирующие цивилизации еще больше увеличивают пропасть неравенства между расами и народами.

Основной закон, который определяет отношения между народами, утверждает Г. Лебон, — это закон силы, закон грубой борьбы. «Никакой народ, — пишет он, — не должен в настоящее время забывать, что границы его прав точно определены силами, имеющимися у него для их защиты... Право и справедливость никогда не играли никакой роли, как только дело шло об отношениях между народами неравной силы. Быть победителем или побежденным, охотником или добычей — таков всегда был закон»¹⁶⁷.

Стремясь дискредитировать революционную борьбу масс, Г. Лебон любое массовое движение квалифицирует как якобы иррациональное и патологическое. Он утверждает, что масса всегда характеризуется исчезновением сознательности личности и ориентацией чувств и идей в одном направлении. В толпе индивид якобы менее склонен обуздывать свои инстинкты, потому что толпа анонимна и якобы не несет на себе ответственности. Становясь частицей толпы, человек опускается на несколько этажей по лестнице цивилизации. В изолированном положении он может быть культурным человеком, в толпе же — это варвар, т. е. существо инстинктивное.

Поскольку человеку толпы, по Г. Лебону, всегда нужно верование для управления своей жизнью, постольку во избежание всяких усилий, сопряженных с размышлениями, все убеждения масс принимают характер «слепого подчинения, свирепой нетерпимости, потребности в самой неистовой про-

паганде, которые присущи религиозному чувству...». Неспособная к самостоятельным действиям, предоставленная сама себе, толпа инстинктивно стремится к рабству, всегда жаждет повиноваться, силе она подчиняется безропотно»¹⁶⁸.

Исходя из этих «свойств», якобы присущих массе, Г. Лебон, по сути дела, формулирует для правящего класса принципы управления массой, рекомендует методы и приемы воздействия на толпу. На толпу, заверяет он, можно воздействовать непосредственно словом. Самой главной обязанностью политиков, считает Г. Лебон, должно быть «переименование и наименование популярными или же нейтральными названиями тех вещей, которых толпа уже не выносит более под их прежними именами»¹⁶⁹.

Причем основными аргументами, обращенными к толпе, должны быть утверждения, преувеличения, повторения, но никогда не доказательства в форме рассуждений. Частые, простые утверждения без обоснования и доказательств являются, по мнению Г. Лебона, более надежным средством вливать в массовую душу нужные идеи. Чем определеннее утверждение, чем свободнее оно от доказательств и доводов, тем больше оно пробуждает благоговение. Утверждение имеет действительное влияние только тогда, когда оно постоянно повторяется и по возможности в тех же самых выражениях. Если утверждение достаточно часто и одним и тем же голосом повторяется, то в результате образуется механизм внушения, заразы.

Лучше всего управлять толпой, продолжает Г. Лебон, воздействуя на ее чувства, на ее воображение. Поэтому все идеи нужно облекать в форму образов, ибо в этом случае идея проникает в область бессознательного и становится чувством, которое, как известно, является главным стимулом поведения масс. Масса поклоняется даже заблуждению, если оно ей нравится. Тот, кто умеет вводить толпу в подобного вида заблуждения, легко становится ее повелителем. И, наоборот, тот, кто пытается освободить толпу от заблуждения, кто хочет ее образумить, тот всегда бывает ее жертвой¹⁷⁰. Толпа легко подчиняется лишь тому вожаку, который дает ей веру, все равно какую, ибо ощущение веры придает массе силы. Поэтому, вещает Лебон, тип героя, дорогого сердцу толпы, всегда будет напоминать Цезаря, шлем которого прельщает толпу, власть внушает ей уважение, а меч заставляет бояться¹⁷¹.

Лебон чувствовал объективную тенденцию общественного развития и понимал, какую опасность для буржуазии несет в себе рабочее движение. И поэтому выразил это в форме, типичной для буржуазного идеолога: «...в настоящее время массы по своей организации и порядку стремятся стать всемогущими. Так как их ненависть к умственному превосходству очевидна, то весьма вероятно, что вся умственная аристократия предназначена к насильственному истреблению ее массами путем периодических революций... Когда социализм поработит какую-нибудь страну, то единственным его шансом для существования будет уничтожение всех до последнего индивидуумов, обладающих умственным превосходством»¹⁷². А если так, то против социализма, против масс, против пролетариата необходимо постоянно и всеми средствами бороться, не останавливаясь перед крайностями, и прежде всего использовать против них изощренную тактику духовного подавления. Таковы «рецепты» «убеждения» масс Г. Лебона, хорошо усвоенные фашистскими заправилками.

Фашистские идеологи для обоснования своих «идей» опирались и на «выводы» таких видных приверженцев теории «элит», как В. Парето и Г. Моска¹⁷³. Как известно, эти ученые и другие критики «массового общества» отвергали принципы Великой Французской революции, противопоставляли им «реальность естественных законов природы», предполагающих неравенство людей. В этой связи с особым ожесточением они нападали на марксистскую теорию классовой борьбы, доказывали, что социальную эволюцию определяет избранное меньшинство — элита. Именно борьба элит, по их мнению, определяет ось социальной истории; масса же не в состоянии управлять сама собой и нуждается в руководстве; она не более как инструмент в руках элит.

На формирование фашистских идей, особенно на формирование взглядов Муссолини (это он сам признает), оказала большое воздействие и философия прагматизма, в первую очередь в трактовке У. Джемса. Разумеется, фашистские интерпретации философии Джемса нельзя смешивать с самой этой философией. У. Джемс, как известно, воспевал радикальный эмпиризм. Он отвергал всеобъемлющую единую теорию общественного развития, объективную детерминированность истории. Нельзя, утверждал он, охватить мир, все его разно-

образные во времени и пространстве связи с одной, единственной точки зрения, невозможно все противоречивые стороны человеческой жизни свести к одной универсальной системе абстрактных понятий. Джемс полностью растворяет объективную реальность в опыте субъекта, в потоке его сознания, чувствований, эмоций, переживаний. Именно субъект усилием своей воли создает и организует реальность. В сущности, примат воли, действия — основополагающий принцип прагматизма. Мир таков, каким его создают, понимают субъекты, истинно все то, что полезно, что ведет субъекта к успеху¹⁷⁴.

Именно волюнтаризм, пронизывающий всю философию прагматизма, привлек к этому учению фашистских идеологов, которые, подвергнув предварительно тенденциозной переинтерпретации те или иные положения приверженцев прагматизма, затем использовали их для обоснования собственного волюнтаристского активизма.

Фашистские идеологи указывали также, что на генезис их идей большое влияние оказали взгляды Ж. Сореля.

Во всяком случае Муссолини любил подчеркивать свою связь с Сорелем¹⁷⁵. Что касается самого Сореля, то он также отмечал, что гордится тем, что смог оказать влияние на Муссолини¹⁷⁶.

Идеи Ж. Сореля отличались исключительной противоречивостью, эклектицизмом. Активизм, прямое действие, насилие во имя великой цели, не знающее при этом никаких моральных преград, — все это делало идеи Ж. Сореля привлекательными для всех, кто стремился и стремится к быстрым и радикальным средствам борьбы. Поэтому на его идеи опирались как крайне правые, так и левацкие элементы. Он оказал огромное влияние на формирование анархо-синдикалистской идеологии, особенно в романских странах; его «размышления о насилии» сыграли свою немалую роль и в процессе генезиса фашизма (прежде всего в романских странах).

Бесспорно, мысли самого Ж. Сореля развивались, прежде всего, в направлении своеобразной активизации классовой борьбы пролетариата. Вовсе необязательно, доказывал автор, ждать, пока переворот в производительных силах, в экономическом базисе производства повлечет за собой соответствующие изменения в надстройке, в идеологической, духовной

сферах. Новая пролетарская мораль и идеология могут развиваться уже в недрах капитализма, внутри профсоюзов, этих чисто пролетарских классовых органов. На базе профсоюзов сформируется новое общество, которое заменит существующее капиталистическое. Кульминационный пункт борьбы профсоюзов – всеобщая стачка, перерастающая в революцию. Причем понятие «всеобщая стачка» было лишено у Ж. Сореля какого-либо реального смысла, призывом к всеобщей стачке следовало, по мысли Сореля, просто привести в движение пролетарскую массу, пробудить ее к прямым действиям.

В этой связи Ж. Сорель требовал освободить марксизм от его рациональности, если он еще хочет найти доступ к массам. Массы действуют инстинктивно, их возбуждают и направляют иррациональные мифы. Причем эти мифы вовсе не должны быть истинными, они скорее спонтанная форма коллективного сознания, выражающая и высвобождающая первооснову жизни.

Понятно, что из этого вытекало и отрицание Ж. Сорелем необходимости для пролетариата создать свою собственную политическую партию. Профсоюз – организация производителей и этим он принципиально отличается от партии, которая является искусственной группировкой, собирающей вокруг определенных принципов людей с противоположными материальными интересами.

Ж. Сорель, по существу, разрывал и противопоставлял друг другу борьбу за социализм и борьбу за демократию. Он полагал, что участие рабочих в демократическом движении затуманивает, тормозит развитие классового сознания трудящихся. Ж. Сорель отрицает демократию и как принцип построения пролетарских организаций: он считает, что решения должны приниматься не большинством, а наиболее энергичным меньшинством.

Но что во взглядах Ж. Сореля могло привлечь и привлекло фашистов? Прежде всего волонтаризм, воспевание насилия. Фашисты восприняли сорелевское противопоставление, с одной стороны, буржуазных рациональности (ratio) и декаданса, а с другой стороны, иррационализма и насилия. Они использовали его миф о насилии как средство «спасти все человечество от морального разложения». Поэтому, ничуть не смешивая Ж. Сореля с фашистскими идеологами, тем не

менее подчеркиваем, что именно «примат воли», воспевание насилия, стихийный иррационализм прямых действий, нашедшие в его концепции наиболее яркое воплощение, – вот центральные идеи Ж. Сореля, которые импонировали фашистам, к которым фашистские идеологи присоединились с большой охотой.

Одним из бесспорных предтеч фашизма был реакционный теоретик А.М. ван ден Брук. В 1923 г. он написал книгу «Третий рейх». Придя к власти, нацисты тотчас же приняли название «Третий рейх» для фашистской Германии. Автор ненавидел равенство, отвергал политические свободы, всеобщее избирательное право. Все это органически чуждо немецкому народу, утверждал он. У немцев «богатство власти и полнота жизни» заключаются не в этой «игре», а в «величии крови и духа», в любви немцев к порядку и послушанию.

«Немецкая сущность», твердил он, раскрывается навстречу словам приказа и определяется не «общественным договором», а «естественной» иерархической связью подданных государства и его фюрера. Именно фюрер определяет «органическое» развитие общества, а не какие-то «всеобщие выборы». Беда Германии именно в том, что она, подражая иноземным образцам, слишком долго играла в демократию и либерализм. А.М. ван ден Брук призывал немцев к консервативной революции (сам этот термин принадлежит именно ему), которая должна-де уничтожить все следы духовного и политического наследия буржуазно-демократических революций, и прежде всего Великой Французской революции 1789 г.

А.М. ван ден Брук решительно отвергал марксистское учение о классах и классовой борьбе. Он демагогически восклицал: центральной фигурой немецкого общества является отнюдь не буржуа, а рабочий. Освободительная борьба, которая предстоит немцам, заявил автор, должна вестись всем народом во главе с рабочим классом; это война, которую мы ведем не между собой, а пр миотив мировой буржуазии. Разумеется, рабочий, о котором говорил А.М. ван ден Брук, – это мифический рабочий, не являющийся реальным представителем рабочего класса. Этот «рабочий» представлял в духе Ницше и Шпенглера тип сверхчеловека, фаустовского человека, энергичного и властного, в котором воплощается немецкая сущность, «субстанция» немецкой расы и т. д. и т. п.¹⁷⁷ И если

снять с этого образа «рабочего» туманную, романтическую маску, то со всей отчетливостью перед нами предстанет циничный капиталистический делец, денежный магнат, агрессивный буржуазный политик, милитарист, для которого «работа» — это агрессия, война.

Разумеется, все эти демагогические манипуляции А.М. ван ден Брука были приняты фашистскими идеологами. Его идеи, прежде всего идеи «революционного консерватизма», органически вошли в идеологическую систему нацизма, превратились в ключевые лозунги нацистов. Не случайно Геббельс, оценивая книгу «Третий рейх», говорил в 1932 г.: «Я приветствую распространение этого, столь значительного для идейной истории НСДАП, труда»¹⁷⁸.

Большую роль в подготовке идеологии национал-социализма сыграл и Э. Юнгер¹⁷⁹, писатель и философ. Его «любимая» тема — кризис гуманизма в эпоху буржуазной технической цивилизации. Перекликаясь с Ф. Ницше, Э. Юнгер воспекает «опасную» и «героическую» жизнь, прославляет войну как средство подлинного «самоосуществления». «Одно из средств подготовки к новой, проникнутой большей отвагой жизни, — писал Юнгер в 1932 году в своем эссе «Рабочий», — состоит в отвержении оценок освободившегося и ставшего самовластным духа, в разрушении той воспитательной работы, которую провела с человеком бюргерская эпоха... Лучший ответ на измену, которую дух совершает по отношению к жизни, — это измена духа по отношению к «духу», и участие в этой подрывной работе входит в число возвышенных и жестоких наслаждений нашего времени». (Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб.: Наука, 2000, с. 97.)

Э. Юнгер утверждал, что история подобна вулканическому кратеру: она не «происходит», а производит извержение. И тот, кто любит миг, не должен заботиться о своей безопасности. В опасные мгновения требуется «авантюрные сердца».

Фашистам импонировали его националистические и шовинистические призывы; он требовал «гарантировать немцам подобающее место в великом царстве будущего», утверждал это как цель, ради которой «стоит умереть и подавить любое сопротивление». Э. Юнгер дал нацистским идеологам многие идеологические и политические лозунги, уже названия его книг говорят сами за себя: «В стальных грезах» (1920), «Бой

как внутреннее переживание» (1922), «Авантюрное сердце» (1929), «Тотальная мобилизация» (1931), «Рабочий. Господство и облик» (1932) и др. Фашисты особенно усердно апеллировали к данному Юнгером образу грядущего человека – «рабочего-солдата», который, отбросив все, что характерно для «буржуазной индивидуальности», полностью отдал себя служению «великой идее целого»: государству, нации¹⁸⁰.

Приверженцы «консервативной революции» по сути дела подстрекали нацистов. Они упрекали их в недостаточном радикализме, в чрезмерном уповании (!) на легальные методы борьбы посредством избирательных бюллетеней. Надежда на парламентский путь прихода к власти – «ослиная глупость» (Э. Юнгер); тот, кто уклоняется от пробы сил, как это делает Гитлер (!), уже побежден (Э. Никиш) и т.д. и т.п.

Вместе с тем, они эйфорически приветствовали приход Гитлера к власти. Победа Гитлера, по мнению поборников «консервативной революции», означала крах упаднической либеральной эпохи, начало национального возрождения. Лишь постепенно они начали освобождаться от иллюзий и реально понимать, каких духов они вызвали к жизни. Одни из тех, кто подготовил 30 января 1933 года, сами пали жертвой нацистской диктатуры (Эдгар Юнг), другие, подобно Э. Юнгеру, ушли во внутреннюю эмиграцию.

Тем не менее, после разгрома фашизма Э. Юнгер, в сущности, выгораживал виновников фашистских злодеяний, поскольку причины второй мировой войны искал в «биологических глубинах самой жизни». Война, жестокость, по его мнению, – это «всечеловеческий грех», это следствие того, что общество, люди живут скорее по зоологическим законам¹⁸¹. Подобное перекалывание вины за гитлеровские агрессивные войны на «метафизические» обстоятельства, разумеется, полностью отвечало потребностям империалистических кругов – подлинных виновников фашистского варварства.

Бесспорную роль в формировании идеологии итальянского фашизма сыграл Д. Джентиле. Его доктрина сложилась еще до первой мировой войны. В ней, в сущности, звучат те же мотивы, что и в «Жизненном порыве» А. Бергсона, в «Мистике действия» Мориса Blondela, в «Воле к власти» Ф. Ницше, т. е. прежде всего мотивы активности, воли к власти, признающей реальным только то, что служит для ее

самоутверждения. Ядром философии Д. Джентиле является принцип «свободы», своеобразной свободы, суть которой – противодействие объективной исторической необходимости. Воинствующий актуализм Д. Джентиле – это философия прежде всего империалистической буржуазии, но вместе с тем и мелкой буржуазии, во всяком случае тех ее слоев, которые втянуты в орбиту фашизма. Джентиле призывает империалистическую буржуазию к активной, беспощадной борьбе с рабочим движением, с социализмом и т. п.

§ 2. Несостоятельность фашистских претензий присвоить наследие классической немецкой философии

Вырабатывая «свою» идеологию, «теоретики» фашизма пытались опираться на самые различные философские и политические системы, приспособлявая к своим «выводам» самые разнообразные, порой противостоящие и противоречащие друг другу концепции.

Более того, некоторые фашистские идеологи с откровенным бесстыдством и цинизмом объявляли своими предшественниками даже многих действительно великих мыслителей всемирной истории. Как отмечалось на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, «фашисты перетряхивают всю историю каждого народа для того, чтобы представить себя наследниками и продолжателями всего возвышенного и героического в его прошлом, а все, что было унижительного и оскорбительного для национальных чувств народа, используют как оружие против врагов фашизма»¹⁸².

«Перетряхивая» историю, нацистские идеологи даже некоторых вождей крестьянских восстаний эпохи средневековья изображали как прямых своих предшественников. Французские фашисты объявляли, например, своей духовной предшественницей национальную героиню Жанну д'Арк.

Фашисты спекулировали именами крупнейших исторических деятелей своих стран. Муссолини пытался нажить политический капитал, выдавая себя... за родственника национального героя итальянского народа Дж. Гарибальди. Американские фашисты назойливо апеллировали к традициям Д. Вашингтона и А. Линкольна.

Фашисты пытались также установить мнимую связь своих идей с идеями подлинно великих философов прошлого, в

частности великих представителей классической немецкой философии Канта, Фихте и Гегеля. Были ли для этого у фашистов основания? Действительно, в философии Канта, Фихте и Гегеля можно обнаружить положения, которые являются реакционными.

Дело в том, что отсталость немецкой буржуазии отразилась и на вершинах ее философии. В сущности, немецкой философии издавна был присущ мистический характер. Мистицизм пронизывал философские концепции Я. Бёме и М. Экхарта. Шеллинг в последние годы тоже стал мистиком. А в это же время французские и английские философы, как правило, были приверженцами рационализма (Декарт, Мальбранш, Бейль, Бэкон, Локк, Юм и др.). Они обычно занимались практической и политической деятельностью. Так, математиками были Декарт, Гассенди, Паскаль, Даламбер; в качестве идеологов свободы выступали Толанд, Коллинз, Тиндаль и др.; многие из них были атеистами (Ламетри, Гольбах, Дидро). Немецкие же философы зачастую выступали как теологи, во всяком случае националистическая тенденция в немецкой философии тесно переплеталась с протестантской теологией. Связь между философией и теологией была самой непосредственной. Не случайно Фихте и Гегель видели в Реформации исторический источник «философской революции» в Германии.

И хотя представители классической немецкой философии нередко философско-исторические вопросы ставили не в их истинной, а в мистифицированной форме, тем не менее, это были великие мыслители, гуманистическое наследие которых принадлежит человечеству.

И, разумеется, абсолютно несостоятельны претензии фашистов присвоить себе имена Канта, Фихте и Гегеля, духовное наследие которых не имеет по своей сути никакого отношения к идеям фашистской философии.

История философии знает примеры, когда классические учения философов подвергались впоследствии тенденциозному и искаженному перетолкованию. Тот Аристотель, которого почитали в качестве философа и учителя средневековой схоластики, не был историческим Аристотелем. Это был Аристотель, перетолкованный арабскими и еврейскими богословами, приспособленный затем к интересам церкви и находившейся в зависимости от нее схоластики. И точно также тот

Спиноза, которого немецкие романтики конца XVIII и начала XIX в. превозносили как религиозного и даже «опьяненного богом» мыслителя, не был историческим Спинозой. Это был Спиноза, предвзято понятый и перетолкованный в духе романтической мистики.

Но фальсификаций, подобных гитлеровским, история никогда не знала. Превратить Лейбница, Гердера, Канта, Фихте, Гегеля, Гете в предшественников Гитлера, Розенберга, Шварца, Боймлера и т. д. можно только путем самого грубого, ни с какими историческими фактами не считающегося приспособления отдельных высказываний, выхваченных из исторического и идейного контекста учений классических философов, к политической доктрине фашизма.

В самом деле, чего стоит, например, утверждение нацистских идеологов о том, что И. Фихте якобы был «первым сознательным национал-социалистом». Фашистским идеологам в данном случае импонирует обостренный национализм философа, его пропаганда национального объединения и возрождения Германии. Но в действительности пропаганда национального возрождения Германии у И. Фихте не имела ничего общего с фашистским национализмом, его пропаганда идей национального возрождения не имела ничего общего с расизмом, с превознесением немцев только на том основании, что они немцы, с ненавистью и презрением ко всему ненемецкому, с требованием утверждения господства немцев над другими народами.

Апелляция И. Фихте к достоинствам немцев и «преимуществам» немецкого духа становится понятной при взгляде на те обстоятельства, в которых он жил и формировал свои взгляды. В «Речах к немецкому народу», в «Патриотических деяниях» И. Фихте страстно обращался к своим современникам с целью разбудить в них патриотические чувства, которых им недоставало, и поднять их на борьбу за политическую независимость, отнятую Наполеоном. Противопоставляя достижения немцев в области общественной мысли, философии, литературы преимуществам политического строя наполеоновской Франции, И. Фихте, конечно, впадал в преувеличение. Более того, у него можно найти и такие утверждения, будто только у немца может быть любовь к своему народу, любовь к родине в подлинном смысле этого слова и т. п. Но в

данном случае он хотел найти основу для подъема народного самосознания немцев. Эти преувеличения были не бахвальством шовиниста, но добросовестным заблуждением человека, который воображал, будто достижения немецкого духа в области философии уже являются сами по себе достаточным доказательством преимущества немцев как народа, призванного сыграть великую роль в истории. Поэтому Э. Никиш все-таки несправедлив, когда утверждает, что в Фихтевом мировом Я, которое весь мир вокруг себя полагает как не-Я, воплощена безмерная тоска обездоленного немецкого буржуа, горящего желанием весь мир спрятать у себя в кармане. Французские триумфы в Европе разожгли в немецком буржуа страстное желание трактовать весь мир как всего лишь порождение немецкой жажды действий. В «Речах к немецкой нации» Фихте слово получила немецкая ревность, заявляет Никиш.

И. Фихте был патриотом. Призыв философа к борьбе за политическую независимость был неразрывно связан с требованием политической свободы для немецкого народа и внутри германского государства. Он выступал за уничтожение крепостничества. Он даже предвидел в будущем неизбежное и справедливое разделение всей земли.

Он решительно возражал тем, кто поддерживал социальный порядок, при котором те, кто работает, не имеют возможности удовлетворить свои элементарные потребности в пище. «Такие люди к этому привыкли, они не знают лучшего, — цедит сквозь зубы сластолюбец, потягивая свое дорогое вино. Но это неправда, к голоду никогда не привыкают, к противоестественному питанию, к полному упадку сил и упадку мужества, к наготы в суровое время года не привыкают никогда... Не привычка решает вопрос о том, что само по себе излишне и само по себе необходимо, а природа. Иметь здоровую для человеческого тела пищу в количестве, нужном для восстановления сил, и постоянное и здоровое жилище должен всякий работающий, — это принцип»¹⁸³.

И. Фихте осуждал всякую политику и всякую идеологию грабежа других стран и народов. Выдвигая лозунг расширения Германии до «естественных границ» (к которому позднее апеллировали фашистские заправилы), он подчеркивал, что здесь речь идет не о захвате чужих земель и народов, а лишь об уничтожении искусственных перегородок, созданных феодализмом внутри Германии. Ни о каком империалистическом

наступлении на Восток или Запад, ни о каком захвате или грабеже земель, населяемых французами или славянами, у философа нет и речи. «Если у воина, — пишет он, — господствующим побуждением становится собственное обогащение, если у него вошло в обыкновение при опустошении цветущих стран не думать ни о чем ином, кроме как о том, что он выгадает для собственной особы от всеобщей нищеты, то следует ожидать, что чувства сострадания и жалости в нем умолкли, кроме этой варварской грубости и соответственно ей современный завоеватель мира должен был бы воспитать в своих подданных также холодную и расчетливую страсть к разбою, он должен был бы не наказывать вымогательства, а скорее поощрять их... Где сыщется в новейшей Европе нация, настолько бесчестная, чтобы можно было выдрессировать ее таким образом»¹⁸⁴.

Таким образом, совершенно очевидно, насколько несостоятельны спекуляции фашистов именем И. Фихте, насколько его социально-политические идеалы противостоят политической программе фашизма, обосновывающей эксплуатацию и подавление трудящихся «своей» страны, империалистическую агрессию против других народов.

Столь же несостоятельны попытки фашистов «усвоить» и взять на вооружение философско-исторические и социально-политические взгляды И. Канта. Гитлеровские «философы» стремились противопоставить идеи И. Канта идеям французского Просвещения, и в особенности Руссо. Они доказывали, что Кант «преодолеl» Руссо, что абстрактной, антиисторической «общей воле» Ж.-Ж.Руссо И. Кант якобы противопоставил «историческое» понятие нравственного долга, а космополитической идее человечества, разрабатываемой Просвещением, — немецкую национальную идею. Но действительный, исторический И. Кант не соответствует образу И. Канта, «открытому» фашистскими «теоретиками». Действительный, исторический Кант свои взгляды на философию истории выработал в теснейшей связи с философией Просвещения и высоко оценивал Просвещение как решимость человека, человечества руководствоваться своим собственным рассудком. Фашистские «теоретики» спекулируют на знаменитом тезисе И. Канта из «Критики чистого разума»: «Я должен был ограничить знание, чтобы очистить место вере», —

чтобы доказать, будто Кант отвергает рационалистическое объяснение бытия, что он будто бы был и остается иррационалистом.

Действительно, И. Кант потеснил науку, чтобы оставить место вере; здесь нашла свое выражение вся непоследовательность немецкой буржуазии в борьбе с феодальным мировоззрением и феодальными общественными порядками. Но при всей своей непоследовательности И. Кант был приверженцем рассудка и разума, был немецким теоретиком Просвещения. В статье «Ответ на вопрос: что такое Просвещение», написанной в 1784 г., Кант определяет просвещение как решимость человека пользоваться своим собственным рассудком, не прибегая к руководству рассудка другого. «*Sapere aude*» (дерзай познать), — напоминает Кант слова латинского изречения, — имей мужество пользоваться своим собственным рассудком! — таков девиз Просвещения»¹⁸⁵.

Совершенно несостоятельны попытки фашистов оклеветать И. Канта, противопоставить его понятие безусловной формы нравственного долга понятию всенародной воли у Ж.-Ж. Руссо. Фашисты ненавидели Ж.-Ж. Руссо, его великие идеи о социальном равенстве и справедливости, об общественном договоре, о воле большинства как о воле народа. Эту «общую волю» фашисты отвергают как понятие, в котором «нет ничего живого», как «искусственный продукт геометрического мышления», как «безличного диктатора», наделенного властью повелевать всеми до следующих выборов.

Политический смысл этой фашистской критики демократических принципов Ж.-Ж. Руссо ясен. На деле она была направлена против принципов демократии вообще. Что касается позиции И. Канта, то именно в его философии получили наиболее полную разработку политические принципы Просвещения: свобода, равенство, братство. Кант утверждал, что эти принципы находят свое обоснование исключительно в познаниях практического разума и поэтому априорно имеют силу для общества, достойного человека. Свобода, по его мнению, заключается в том, что никто не должен принуждать другого быть счастливым исходя из собственного понимания, ибо каждый имеет право искать счастья на пути, который сам считает хорошим, если он при этом не нарушает свободы других добиваться такой же цели.

Равенство означает одинаковую подчиненность всех индивидуумов законам государства; при этом, однако, послушание любому закону непременно предполагает одобрение этого закона со стороны индивидуума. Связав свободу и равенство, И. Кант тем самым устанавливает соответствие между политическим строем и принципами морали. Высший принцип морали, согласно Канту, требует рассматривать человечество, воплощенное в каждом человеке, как цель и с той же категоричностью запрещает рассматривать людей как средство.

И. Кант решительно подчеркивал, что именно Ж.-Ж. Руссо он был обязан обращением на путь истины, на путь признания человеческого достоинства широких трудящихся масс. «Сам я по своей склонности, – писал И. Кант, – исследователь. Я испытываю всю жажду познания, неутолимое беспокойство в стремлении продвинуться в нем дальше или также удовлетворение от каждого достигнутого успеха. Было время, когда я думал, что все это может сделать честь человечеству, и я презирал чернь, ничего не знающую. Ж.-Ж. Руссо исправил меня и направил на иной путь. Это ослепляющее преимущество исчезает, я учусь уважать человека и чувствовал бы себя гораздо менее полезным, чем самый обыкновенный рабочий, если бы не думал, что данное рассмотрение может сообщить ценность всем остальным, устанавливая права человечества»¹⁸⁶.

И. Кант настолько высоко ставит просвещение, что, по его мнению, прогресс просвещения человечества неизбежно приведет в будущем к упразднению войн. Он был решительным противником воинствующего национализма, видел в войнах величайшее бремя для народов, препятствие для развития человека и культуры.

И. Кант с тревогой отмечал, что правители современных ему государств «не находят свободных средств для открытия общедоступных воспитательных учреждений и в особенности для всего того, что касается общего блага». И причину этого он со всей определенностью видел в том, что «все поглощается военными бюджетами в ожидании грядущей войны». Как актуально звучат сегодня эти слова И. Канта! Великий философ решительно выдвигал требование: войн больше не должно быть! И призывал людей бороться для достижения вечного мира. Таков наш моральный долг, подчеркивал он. Мысли-

тель верил, что придет время, когда не будет войн, когда «человеческий род достигнет, наконец, того состояния, когда все его природные задатки могут полностью развиваться и его назначение на земле может быть выполнено»¹⁸⁷.

Французская революция по достоинству оценила И. Канта. Она даровала ему звание Почетного гражданина Франции. Поэт Г. Гейне, понимая революционное значение идей И. Канта, даже ставил его выше якобинцев¹⁸⁸. Лишь не отягощенные никакими требованиями рассудка и нравственными нормами «свободная воля» и «инстинкт» фашистских идеологов могли после всего этого пытаться препарировать Канта под «арийца», превратить его в заурядного иррационалиста и мистика.

В этой связи следует отключить и характеристику философии Канта, данную Никишем. Кантовская философия есть перевод событий Французской революции на философский язык. В «Критике чистого разума» немецкая буржуазия отваживается даже разрушить духовный фундамент традиционного средневекового общества. Но, как быстро выяснилось, радикальная мысль не может быть полноценной заменой реальной социальной и политической практике, осуществлявшейся якобинцами. Однако немецкое идейно-духовное свершение продолжало желать, чтобы его сочли более важным, чем французское общественно-политическое движение. С этими суждениями Никиша еще можно согласиться.

Но что он утверждает далее уже неприемлемо. По его мнению, уже в трансцендентальном субъективизме Канта самосознание немецкого бюргера продемонстрировало ту поспешность, которая обычно проявляется там, где возникает безнадежное, но алчное желание насладиться плодом, который нужно сперва самостоятельно вырастить. И совсем уже неверно суждение, будто кантовский категорический императив вызывает к совести прусского унтер-офицера. Человеческие поступки осуществляются по шаблону воинского послушания: категорический императив, как на казарменном плацу не допускает никаких возражений. В глубине практической философии скрыты прусские планы: верноподданного будет легче использовать в своих целях, если каверзы, отныне сопутствующие его личной судьбе, он будет воспринимать как дело личной свободной воли.

Особый интерес проявляли фашистские идеологи к фальсификации и извращению идейно-теоретического наследия

Гегеля. Для обоснования и оправдания собственных «идей» они обращались прежде всего к следующим положениям Гегеля: во-первых, к положению о том, что государство стоит вне обычных норм морали, во-вторых, к положению, что личное начало необходимо подчиняется всеобщему, воплощенному в государстве; в-третьих, к мысли Гегеля о целесообразности войны как средства предохранить народ и общество от застоя; в-четвертых, к его идее об особой якобы всемирно-исторической миссии германских народов, прежде всего немцев, и в связи с этим о «разумности» прусской государственной системы и вообще всей прусской «действительности».

Это верно, Гегель утверждал, что государство стоит вне обычных норм морали, что личное начало подчиняется всеобщему. Тем не менее истолковывать это положение как оправдание аморализма, как отрицание какого-либо значения совести, как абсолютное поглощение личности государством фашистские «теоретики» не имели достаточных оснований.

По Гегелю, всемирная история совершается в более высокой сфере, чем та, которую составляют образ мыслей частных лиц, совесть индивидуумов, их собственная воля и их образ действий. По отношению к сфере частных действий и частной жизни всемирно-историческая жизнь, согласно Гегелю, представляет настолько своеобразную и высшую область, что «всемирная история вообще могла бы совершенно отрешиться от того круга, к которому относятся моральность и так часто рассматривавшееся различие между моралью и политикой...»¹⁸⁹.

Именно эти идеи Гегеля фашистские теоретики рассматривают как доказательство освобождения им государства от всяких норм морали. В действительности, у Гегеля речь идет о другом — о подчинении узколичной, индивидуалистической позиции общегосударственной (и нравственной одновременно) точке зрения. Государство, как его понимал Гегель, отнюдь не предполагает отмены морали, достоинства и свободы человека. Государство, согласно Гегелю, есть осуществление свободы, «действительность конкретной свободы». Но конкретная свобода, по Гегелю, состоит в том, что личная единичность и ее особенные интересы получают свое полное развитие, пользуются признаками своего права самого по себе (в системе семьи и гражданском обществе) и в то же время частью пе-

реходят через себя самих в интерес всеобщего, частью сознательно и добровольно признают его. Здесь «ни всеобщее не имеет силы и не выполняется без особенного интереса, знания и воли, ни индивидуумы не живут исключительно лишь для особенного интереса в качестве частных лиц, а их воля вместе с тем действует во всеобщем и для всеобщего сознательно для последней цели»¹⁹⁰.

В государстве, полагает Гегель, обязанности личности по отношению к целому должны быть в единстве с ее неотъемлемым правом. По Гегелю, только в древнейших азиатских деспотиях у индивидуумов не было интимной стороны, никакого внутреннего содержания. В новейшее же время человек хочет, чтобы его уважали со стороны его внутреннего существа. В современном государстве то, чего оно требует как обязанности, есть непосредственно также и право индивидуальности, т. е. «в данном государстве обязательство индивидуума по отношению к государству есть вместе с тем и личное бытие особенной свободы индивидуума; обязанность и право соединены в одном и том же отношении»¹⁹¹.

Из этих разъяснений совершенно четко выявляется, что для Гегеля обязанности личности по отношению к государству, целому неразрывно связаны с ее неотъемлемыми правами, свободой и достоинством. Государство в определенных случаях может поступиться интересами отдельных лиц, но вместе с тем в принципе оно обязано принимать во внимание интересы индивидуумов. Гегель высоко уважал личность человека; по его убеждению, человек обладает значением потому, что он человек, а не потому, что он иудей, католик, немец, итальянец и т. д.

Что касается морали, то Гегель отвергает не мораль как таковую, но узкое понимание морального долга. «Аморализм» государства означает, по Гегелю, отнюдь не оправдание для государственных деятелей всяких аморальных действий, но лишь протест Гегеля против такой оценки поступков государственных и исторических деятелей, которая судит об их деяниях не с точки зрения их государственных целей и значения, а с точки зрения абстрактной морали долга. По Гегелю же, более высоким является веление нравственного долга, в котором коренится истинная совесть, руководствующаяся тем, что действительно «в себе и для себя есть добро и долг».

Вместе с тем совершенно бесспорно, что фашистские авторы расистских измышлений о превосходстве немцев над другими народами вполне могли черпать в построениях Гегеля материал для пропаганды своих взглядов. Так, Гегель устанавливал три всемирно-исторических периода в развитии мировой истории. В восточном мире человек якобы еще не осознал, что свобода является его сущностью, поэтому здесь, по утверждению Гегеля, все – рабы, один лишь деспот свободен. В античном мире (Древняя Греция и Рим) некоторые уже осознали, что свобода составляет их сущность, они-то и являются свободными, остальные же не осознают этого и поэтому остаются рабами. Лишь в германском мире, который, по мнению Гегеля, венчает историю, все сознают свою духовную сущность и поэтому здесь все свободны. Возвеличивая и восхваляя «германский мир», и в особенности немцев, Гегель одновременно неоднократно демонстрировал националистическое пренебрежение к другим народам, и более всего к славянским, доказывая, что «восточные народы» навсегда остановились в своем развитии и не имеют будущего. Мимо этих реакционных идей Гегеля фашизм, конечно, пройти не мог; они были взяты в идеологический арсенал гитлеризма.

Хотя гегелевское учение о государстве и было направлено против феодализма, против феодального своеволия и произвола мелких феодальных князей, тем не менее идея Гегеля о государстве как высшем воплощении свободы, о том, что отдельные личности исчезают в присутствии мировой субстанции (дух народа или государства) и субстанция сама создает личности такими, какими этого требуют сделать преследуемые ею цели, все-таки могла служить обоснованием тоталитаризма, поглощения и подавления индивидуума государством.

Это тоже фашисты учли, взяли на вооружение и попытались практически осуществить в своем тоталитарном государстве.

Рассматривая прусскую конституционную монархию как реализацию «абсолютной идеи», Гегель до крайности ограничивал задачи буржуазно-демократического преобразования общества. По мнению Гегеля, нет необходимости уничтожать феодальную собственность, сословия, монархию, а создание прусской конституционной монархии представлялось ему вершиной общественного прогресса и т. д. и т. п.

Точно так же в сочинениях Гегеля действительно можно найти немало положений, оправдывающих и прославляющих войну, доказывающих, что она связана с самой «природой вещей», что она якобы сохраняет и укрепляет нравственное здоровье народов, подобно тому как ветер спасает море от загнивания и т. д. и т. п.

Тем не менее (вопреки фашистским фальсификаторам) Гегеля нельзя считать провозвестником и апологетом империалистических войн. Его суждения об оздоровляющем действии войны во многом относятся к вполне конкретной войне – вторжению Наполеона в феодальную Германию. Он считал, что поражение феодальной Европы в войне с Наполеоном, ее оккупация наполеоновскими войсками послужит началом освобождения народов Европы из цепей феодально-абсолютистского режима. Вместе с тем Гегель был далек от мысли, будто всякая война уже только потому, что она война, способна стать оздоровляющим фактором в жизни народов. Оправданной Гегель считал только такую войну, которая ведется народом и государством, защищающими свою независимость и самостоятельность; поскольку подвергается опасности государство как таковое, его самостоятельность, постольку долг призывает к его защите всех граждан. Лишь деяния, совершаемые «нравственной политической организацией», имеют, по Гегелю, всеобщий всемирно-исторический дух. Если же действия народов «вызываются их жадностью, то, – подчеркивает Гегель, – такие деяния проходят бесследно или, лучше сказать, их результатами являются лишь гибель и разрушение»¹⁹².

Эти мысли Гегеля также абсолютно четко показывают, насколько нелепы, насколько лживы попытки фашистских фальсификаторов представить Гегеля в качестве апологета войны, в качестве одного из идейных предшественников фашистской «теории» «тотального государства», порабащивающего и подавляющего личность, вообще как одного из идейных вдохновителей фашизма.

Разумеется, взгляды классиков немецкой философии были противоречивы. В их философско-теоретических построениях было, чрезмерное возвеличивание немцев как «избранного народа», пренебрежительное отношение к славянским народам и т. п., что, собственно, и давало фашистам повод (пусть необоснованный в сопоставлении с основными тенденциями

философии Фихте, Канта и Гегеля) для использования этих реакционных положений в своих «философско-теоретических» конструкциях.

Другое дело неокантианцы и неогегельянцы. Многие из них извращали подлинную суть учения Канта и Гегеля, выхолащивая все объективное, исторически прогрессивное содержание их философии, сохраняя лишь консервативные тенденции их взглядов. Полностью отбросив гегелевский рационализм, неогегельянцы, в частности, превратили Гегеля в религиозного мистика, в интуитивиста, в «величайшего иррационалиста, какого не знала еще история философии»¹⁹³.

Разумеется, история философии «не знала» такого Гегеля. Подлинный Гегель – поборник истины, всегда связывавший ее поиск с освобождением человека от всего того, что его поработщает, унижает, оскорбляет, вводит в заблуждение, держит в плену иллюзий, фальшивых, ложных представлений и идей. «Дерзновение искания истины, – говорил Гегель, – вера в могущество разума первое условие философских занятий. Человек должен уважать самого себя и признать себя достойным наивысочайшего. Какого высокого мнения мы ни были бы о величии и могуществе духа, оно все же будет недостаточно высоким. Скрытая сущность вселенной не обладает в себе силой, которая была бы в состоянии оказать сопротивление дерзновению познания, она должна перед ним открыться, развернуть перед его глазами богатства и глубины своей природы и дать ему наслаждаться ими»¹⁹⁴. Эти слова Гегеля относятся ко всему человечеству, ко всей человеческой истории. Превратить после всего этого Гегеля в «мистика», в «величайшего иррационалиста» могут только философствующие мракобесы!

Именно неогегельянцы, не все, разумеется, а такие, как Р. Кронер, Ю. Виндер, Г. Глокнер и др. – проводили усиленную идеологическую подготовку фашизма. Используя некоторые стороны философии Гегеля, они отвергали возможность рационалистического познания мира, противопоставляли рационализму иррационалистическое, основанное на интуиции «постижение» мира и т. д. и т. п. Все это послужило фашистским идеологам «теоретической базой» для воспевания мистики, мифа, безграничного субъективизма и волюнтаризма в познании и оценке окружающего нас действительного мира.

В социально-политической сфере неогегельянцы также пропагандировали реакционные идеи: возврат к средневековому сословному государству, построенному на началах иерархии. Нападая на демократические принципы, они доказывали, что воля государства и нации должна находить свое выражение в воле «вождя», утверждали, что подлинная сила государства исходит именно от вождя, а не от народа, и т. д. и т. п.

Эти взгляды неогегельянских философов были «углублены» и превращены «государствоведами» типа К. Шмидта и др. в государственно-правовую доктрину фашизма, которая нашла свое практическое воплощение в фашистском тоталитарном государстве.

Наконец, германские фашисты совершенно необоснованно и грубо фальсифицировали теоретическое и поэтическое наследие Гете, превратив его в заурядного немецкого националиста. Можно найти, конечно, и в произведениях Гете отдельные места, где он защищает и даже восхваляет немецкое общество своего времени, например в «Маскарадных шествиях». Как отмечали основоположники марксизма, в душе Гете постоянно шла борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и осмотрительным сыном франкфуртского патриция, достойным веймарским тайным советником, который видит себя вынужденным заключить с этим убожеством перемирие и приспособливаться к нему... Гете был слишком разносторонен, он был слишком активной натурой, слишком соткан из плоти и крови, чтобы искать спасения от убожества в шиллеровском бегстве к кантовскому идеалу, он был слишком проникновен, чтобы не видеть, что это бегство в конце концов сводилось к замене плоского убожества высокопарным. Его темперамент, его энергия, все его духовное стремление толкали его к практической жизни, а практическая жизнь, с которой он сталкивался, была жалка.

Однако в конечном счете вопреки фашистским демагогам Гете отнюдь не был врагом Французской революции. Он понял ее эпохальное значение. Отныне, полагал он, начинается новая эпоха всемирной истории, и уже тем более он был чужд какому-либо националистическому чванству. Все свои последние политические надежды Гете возлагал на создание социальной кооперации внутри отдельных государств и на

объединении этих государств в единый всемирный союз. Он верил также, что «свободный обмен мыслями и чувствами способствует всеобщему достоянию и процветанию человечества не меньше, чем обмен продуктами». Причем в качестве первого условия для объединения народов Гете ставил именно уничтожение расовой и национальной ненависти, «симптома самой низкой ступени культуры». Он требовал, чтобы человек встал некоторым образом над нациями, воспринимал удачи и огорчения другого народа, как «если бы они случились с его собственным». Более того, Гете полагал, что сословия должны быть уничтожены, что частная собственность должна быть обобществлена. Правда, о мерах, необходимых для этого, он практически не говорил. Однако в любом случае, по его мнению, частная собственность делает собственника «существом косным»¹⁹⁵.

Что касается гетевской концепции культуры, то она также основывается на убеждении, что «поэзия любого народа, если она только подлинна, — вполне равноценна и равноправна, что настоящая человеческая культура может возникнуть только из взаимного изучения национальных литератур, из взаимопроникновения культур отдельных национальностей, мирового культурного соревнования между равноправными народами»¹⁹⁶.

Абсолютно необоснованно и лживо ссылаются нацисты на Лейбница, также объявляя его своим идейным предшественником. «Мои помыслы, — писал Лейбниц, — направлены на благо всего человеческого рода... Мне приятнее сделать много добра у русских, чем мало у немцев или других европейцев, хотя бы я пользовался среди них величайшим почетом, богатством и славой...»¹⁹⁷.

Фальсифицируя историю и культуру собственной страны, нацистские идеологи наряду с этим стремились исказить историю других народов, особенно славянских: русских, поляков, чехов, словаков и др., объявляли культурное наследие славянских народов «неоригинальным», зависимым от культуры других народов, в частности, от немецкой культуры, приписывали славянам агрессивную устремленность по отношению к Европе, и прежде всего к немцам и Германии. Особенно много спекуляций по этому поводу связано с мнимым «Завещанием Петра Великого».

Н. Павленко в своей книге «Петр Первый» пишет, что еще Наполеон в 1812 г., готовя общественное мнение к походу на Россию, распространял слухи о секретных мемуарах Петра, в которых-де откровенно излагались его агрессивные по отношению к Европе намерения. Четверть века спустя, в 1836 г., фальшивое Завещание Петра даже было опубликовано. В нем говорилось, что Россия должна непрерывно вести завоевательные войны, конечная цель которых – покорение Европы. В действительности это так называемое Завещание Петра – грубая подделка; специалистами давно установлено, что Петр никогда не писал никаких завещаний. Тем не менее эта подделка вытаскивалась на свет всякий раз, когда недругам России надо было оправдать свои по отношению к России агрессивные замыслы. В 1941 г. после провала блицкрига фашисты в очередной раз пустили в ход это «Завещание», подняв шумную кампанию по поводу того, что большевики стремятся-де выполнить «Завещание Петра Великого» о мировом господстве и т. д. и т. п.¹⁹⁸.

Итальянские фашисты, подобно германским, также стремились объявить своими духовными предшественниками или даже единомышленниками многих видных деятелей культуры и искусства Италии: поэтов, литераторов, ученых.

В 1924 г. в фашистском журнале «Иерархия» было заявлено, что Б. Кроче – крупнейший итальянских философ – является-де их предшественником и единомышленником! «Конечно, фашисты не могут причислить Б. Кроче к членам своей партии. Но они должны относиться к нему с уважением, как к своему предшественнику. Сам того не сознавая и вопреки себе, Б. Кроче является фашистом, и в этом отношении его можно сравнить с теми мудрыми язычниками, которые были христианами, не зная об этом и не поклоняясь должным образом господу¹⁹⁹, писал этот фашистский журнал. Разумеется, Б. Кроче некоторыми своими поступками и высказываниями компрометировал себя, давал повод фашистам спекулировать его именем. Однако в целом его взгляды и позиции были антифашистскими.

Прежде всего вслед за Б.Р. Лопуховым отметим, что Б. Кроче в итальянской философии был знаменосцем антипозитивизма²⁰⁰. Вплоть до начала XX в. позитивизм в итальянской философии имел очень сильное влияние. Ранние позитивисты

в Италии (как и в других странах) сыграли положительную роль в развитии науки и культуры. Они способствовали освобождению мышления от пут религиозных предрассудков, утверждали принципы научной классификации явлений природы и общества, стимулировали возникновение новых отраслей знания, углубление исследований в уже существующих научных дисциплинах.

Однако позитивисты ограничивали задачу исследования чисто внешним описанием явлений и фактов и поэтому не в состоянии были перейти к широким научным обобщениям. Более того, принижая роль теоретического мышления, они пытались объяснить историю человечества при помощи тех же методов, какие использовались для исследования явлений природы, — эксперимента, законов механики, физики, биологии.

Б. Кроче выступил против подобной метафизической методологии позитивистов. Он восстановил идеалистически-диалектический взгляд на природу и общество, подчеркивая специфичность законов развития общества и истории.

Одновременно он выступил против иррационалистических, мистических, декадентских, других упадочнических культурных и мировоззренческих течений, которые господствовали в Италии накануне первой мировой войны: «Кто дал право господам актуалистам и спиритам влезать в общество людей, работающих за иными столами, чем они, и имеющих, к сожалению, то общее с ними, что они пользуются словом «дух», но имеющих это общее в том же смысле, в каком оно есть у них с торговцами водкой»²⁰¹. Все эти мистики расы, мистики насилия, мистики ненависти и войны питали фашистов своими «идеями» и сами зачастую становились фашистами. Б. Кроче решительно подчеркивает, что отвергает подобного рода теории, особенно такие, как интуитивизм, прагматизм, мистицизм, теософизм, магизм и т. д.

Конечно, в практической жизни Б. Кроче не был последовательным борцом против иррационализма и мистики. Его обращение к истории было, в сущности, обращением к истории идей, ибо история была у Б. Кроче лишь саморазвивающимся духом. Отвергая чисто опытное познание позитивистов, он противопоставил ему интуитивное познание; показывал, что человек проникает в тайны жизни и истории не

с помощью науки, а исключительно с помощью интуиции, гениальной догадки. Это уже непоследовательность самого Б. Кроче, шаг к мистике, который мог быть использован и фашистскими идеологами для обоснования своих мистических «озарений».

Точно также Б. Кроче не был активным борцом против фашизма, в сущности, он исходил из неверной позиции: деятели культуры должны-де оставаться в некотором отдалении от политики. Может ли философия, подлинная философия в высоком смысле этого слова, дать ход решению, например, социального вопроса? – спрашивал Б. Кроче. И сам же отвечал: «...проблемы практической жизни решаются не философами, а людьми практики... Философ не может делать выбор между социализмом и либерализмом. Это так же несерьезно, как ожидать от философа решения вопроса о целесообразности возобновления Тройственного пакта или о принятии на вооружение того или иного типа пушек»²⁰².

И тем не менее, как отмечает М. Аббате, многие теоретические положения Б. Кроче содержали в себе потенциально как бы «взрывной» элемент, направленный против фашистских философских конструкций. Ибо в своей иерархии ценностей он ставил Истину выше Государства, Нации, Родины. «Как ученые, – пишет Кроче, – мы, прежде чем быть итальянцами, являемся ревнителями науки, и никакой национализм, никакой политический интерес не может заставить нас принять худшую философию из-за ее итальянского или французского происхождения либо отказаться принять лучшую философию, потому что она родилась в Германии, как никакая любовь к Родине или к политической партии не может заставить одного астронома признать правильными ошибочные расчеты другого, хотя бы и принадлежащего к братской латинской нации»²⁰³.

Б. Кроче напоминает, что еще во время первой мировой войны противники Германии говорили, что немецкая философия, наука и поэзия были выражением того же варварского духа насилия и инструментом той же политики силы, против которой цивилизованное человечество защищалось с оружием в руках, поэтому немецкую культуру хотели изгнать из наших душ и наших школ. Сегодня от очень многих немцев (или скорее от хора голосов, подавляющих в сегодняшней Германии все

другие голоса) мы слышим, что не имеет никакого значения понимание немецкой культуры другими народами, так как эта культура является достоянием только немецкого народа, является индивидуальным выражением его расы, и поэтому другие народы не могут ни чувствовать ее, ни понимать. «Нашим оппонентам во время войны мы отвечали, что поэзия, философия и наука не принадлежат исключительно немцам или какому-либо другому народу, но являются достоянием всего человечества... Сегодняшним германофилам и расистам нам приходится (страшная ирония судьбы) повторять то, что мы говорили их противникам в прошлом. И сегодня также мы провозглашаем... что немецкая культура принадлежит всем тем, кто ее любит и понимает во всех странах, без какого бы то ни было исключения. И, может быть, сегодня эта культура является даже в большей мере нашей, чем их, чем тех, кто ее не уважает в ее подлинном смысле, кто искажает и фальсифицирует ее в своих целях»²⁰⁴.

Действительно, есть Германия и «Германия», Есть Германия Лейбница, Гете, Шиллера, братьев Гумбольдт, Гегеля, Баха, Моцарта, Бетховена, Гейне. Это — Германия мыслителей, подаривших человечеству глубокомысленные учения, умевших не только самоотверженно исследовать истину, но и смело провозглашать истину уже найденную.

Это — Германия художников и писателей, сумевших сделать искусство, поэзию и музыку возвещением самых передовых для своего времени, самых горячих и страстных идей. Это, наконец, Германия глубоко честных, серьезных, основательных и добросовестных ученых-натуралистов, филологов, историков, неутомимых в трудном, часто неблагодарном исследовании истины. Для них характерна интеллектуальная и моральная чистота, честность, убежденная и воодушевленная человечность, обилие творческих мыслей, плодотворность влияния, оказанного ими на развитие культуры, как национальной, так и общечеловеческой.

И есть другая «Германия». Это — «Германия» невежественных авантюристов и безумцев, дорвавшихся до власти и немедленно обративших эту власть на служение самым низменным, человеконенавистническим и в то же время самым алчным и разбойничьим инстинктам и вожделениям. Это — «Германия» людей, глубоко презирающих знания, глумящихся

над понятием «истина», издевающихся над понятиями «совесть», «человечность» и «справедливость». Это — «Германия» молодцов, бесстыдно унизивших немецкую науку, почитавшуюся некогда во всем мире, в корне разрушивших немецкое просвещение и прививающих народу самое хамское, скотское отношение к труду ученого, мыслителя и художника. Это «Германия» людей, подменивших искусство, глубокое честное немецкое искусство, отвратительной, тошнотворной, уже одним однообразием и бездарностью притупляющей, крикливой, пустозвонной, развращающей и насквозь лживой агитацией. Тем отвратительнее, когда эти устроители «нового порядка», «порядка» разбоя, захвата и грабежа, «порядка» насилия и истребления, пытаются уверить немцев и весь мир, будто «идеи» этого «порядка» не только суть идеи «философские», но кроме того, ведут свое начало от идей подлинных мыслителей и ученых, составляющих славу подлинной Германии²⁰⁵.

Точно также есть Италия, в которой рождались и развивались прогрессивные, гуманистические традиции общественной мысли, традиции революционно-освободительной борьбы. Есть Италия Кампанеллы, Леонардо да Винчи, Рафаэля, Джордано Бруно, Д. Мадзини, Д. Гарибальди, Италия замечательных мыслителей-марксистов А. Грамши и П. Тольятти, Италия героических борцов-антифашистов. Только их имена и деятельность определяют честь и величие Италии, а не шовинистические бредни Муссолини и ему подобных.

Передовые, прогрессивные люди, разумеется, никогда не отождествляли и не отождествляют «культурное одичание» фашистской Германии и Италии с подлинно великой культурой немецкого и итальянского народов. Никто из прогрессивно мыслящих людей никогда не будет отождествлять клику Гитлера с германским народом, а Муссолини — с Италией. Опыт истории показывает, что вырождающиеся, подобные Гитлеру и Муссолини, приходят и уходят, а народы остаются навсегда.

Фашисты взяли из истории своих стран и народов все темное, все жестокое, низкое и бесчеловечное, кстати, как правило, всегда порождаемое правящим эксплуататорским классом. Цели национализма и империализма прославлялись накануне и после первой мировой войны не только в Германии

и Италии, но и в Англии, Франции, и США. Война рассматривалась во всех странах как проявление элементарной жизненной силы, как естественный акт биологического обмена веществ в природе. Именно к этим реакционным, антигуманистическим «идеям», витавшим в духовной атмосфере капиталистических стран, апеллировали, в первую очередь, фашисты, создавая основы своей идеологии, фундаментом которой была обскурантистская, расистская человеконенавистническая фашистская доктрина.

Глава 4. БЕСЧЕЛОВЕЧНАЯ ИДЕОЛОГИЯ – ПРЕСТУПНАЯ ПОЛИТИКА

Разумеется, опираясь на все реакционное и темное, все жестокое, что имелось в предшествующей истории, фашисты стремились создать свою «теорию» и «идеологию», которые обосновывали и оправдывали их преступные замыслы и цели. Им нужна была «своя доктрина», которая помогла бы увлечь последователей, обеспечить достаточно широкую социальную базу.

Именно это обусловило беспрецедентный эклектицизм фашистской идеологии. Национализм и международная общность фашистов, антикапитализм и теория «созидательного капитала», проповедь автаркии и идеи единого европейского рынка, возведенные в теорию, презрение к массе и провозглашение человека труда опорой фашистского строя – все это содержалось в ней. Всем фашисты сулили все: рабочим – ликвидацию безработицы и «справедливую» зарплату; крестьянам – снижение процентов по ипотечным долгам, прекращение продажи земли с торгов; мелким торговцам и ремесленникам – закрытие универмагов, снижение цен на сырье и т. п. Но у фашистов, безусловно, был принцип отбора идей²⁰⁶.

Обскурантизм фашистской идеологии

Главная и основная догма, из которой исходили, в частности, Гитлер и другие нацистские главари при построении своей «доктрины», заключалась в следующем: истинная идеология базируется не на логике и разуме, но на слепой, иррациональной вере. Фашистские заповеди сознательно противопоставляли свое «органическое мировоззрение», ядром которого была «жизнь», а не «истина ради истины», научному

мировоззрению, которое они третировали как схоластическое, механистическое и т. п.²⁰⁷.

Конечно, за всеми словесными мистификациями скрывается весьма определенное идейное и политическое содержание. Неясность, нечеткость формулировок, обрамление программных установок мистифицированной фразеологией позволяли фашистам маскировать сущность своей идеологии и в этой связи использовать в своих контрреволюционных целях широкие слои мелкой буржуазии, т. е. находить массовую социальную базу.

«Фашистский дух,— провозглашал, например, Муссолини,— бежит от всякой произвольной ипотеки на таинственное будущее. Мы не верим в догматические программы, во все эти твердые рамки, в которые нужно вместить сложную, изменчивую и многоцветную действительность. Мы позволяем себе роскошь согласовать и превзойти в себе те антитезы, которые разъедают других... Мы позволяем себе роскошь быть аристократами и демократами, консерваторами и прогрессистами, реакционерами и революционерами, легалистами и иллегалистами в соответствии с обстоятельствами времени, места и среды, одним словом, в соответствии с историей, в которой мы вынуждены жить и действовать»²⁰⁸.

П. Тольятти отмечал: «Что мы обнаруживаем, анализируя фашистскую идеологию? Всего понемногу. Эта идеология эклектична. Но крайний национализм — повсюду составная часть идеологии всех фашистских движений... Фашистская идеология включает множество разнородных элементов. Мы должны с этим считаться, ибо эти особенности позволяют нам понять, чему служит данная идеология. А она служит объединению различных течений в борьбе за господство над трудящимися массами и за создание в этих целях широкого массового движения»²⁰⁹.

То обстоятельство, что фашистская идеология была эклектичной, противоречивой и внешне примитивной, использовалось для маскировки классовой сущности идеологии фашизма, да и самого фашистского движения в целом. Многие буржуазные исследователи утверждали и утверждают, что то, что принято называть «идеологией», «мировоззрением» или «философией» фашизма, есть не более как социально-

психологическое описание противоречивых, не поддающихся суммарному теоретическому исследованию, инстинктов толпы, что это только отражение мещанства, взбунтовавшегося против последствий первой мировой войны, последствий послевоенной разрухи и экономического кризиса и т. д. В таком случае, во-первых, идеология фашизма исключается из сферы теоретико-социального исследования и становится предметом психоанализа и социальной криминологии, и, во-вторых, империалистические круги освобождаются от ответственности за фашистские преступления, поскольку мировоззрение фашизма отождествляется с «инстинктами толпы», с «идеологией мещанства».

Конечно, отмечает советский исследователь фашизма С.Ф. Одуев, понятия «философия» и «фашизм» ставить рядом рискованно, тем не менее правомерно и необходимо. Несмотря на противоречивость и примитивность, у фашизма была и есть своя философская концепция, ибо так или иначе фашисты отвечали на вопрос о сущности бытия и духа, о сущности человека и смысле его жизни²¹⁰. Не представляя собой единого целого, фашистская «философия» по своей классовой, партийной направленности выражала, подчеркиваем это, интересы самих реакционных, шовинистических кругов империалистической буржуазии; она была философией империалистической агрессии и войны, философией преступления, как называл ее Т. Манн.

Иррационалистическое, мистическое «органическое мировоззрение» служило фашистам теоретической опорой отрицания предшествующей рационалистической и демократической традиции в культуре. Так, в частности, итальянский фашистствующий философ Оттавиано в своей статье «Антисовременное» призывал, по сути дела, к полному отказу от всей предшествующей рационалистической и демократической культуры. «С тех пор как Декарт нашел критерий истины в субъекте, а не в объекте, переместив ее естественную основу, с тех пор как протестантизм своей пагубной доктриной свободного исследования потряс основы религиозного авторитета, с тех пор как фатальный дух «Энциклопедии» в своем безумном антиисторизме отверг ценность традиции..., с тех пор как И. Кант попытался построить метафизику на основе морали,

уничтожив и ту и другую, с тех пор как французская революция освободила поле деятельности для необузданного эгоизма, с тех пор как натурализм Руссо уравнивал всех людей..., с тех пор... на сцену вышли необразованные и грубые массы, которые в погоне за материальными богатствами ввергли мир в неописуемую бойню»²¹¹. И подстрекали их к этому, подчеркивает Оттавиано, именно «представители мира культуры», забывшие о моральных ценностях и традициях и сделавшие из человека меру истинного и ложного, добра и зла, справедливого и несправедливого²¹².

В действительности, прежде всего, сами итальянские фашисты отвергали историю, откровенно проповедовали исключительную ценность антиистории, субъективизм и волюнтаристский произвол. Так, Тильгер в книге «История и антиистория» превозносит фашистов за их «господство» над историей: «Делу мира гораздо в большей степени служат люди и партии, которые не позволяют истории господствовать над собой, но крепко держат ее в руках, чем те, которые в силу суеверного преклонения перед историей оставляли на произвол судьбы в его первозданном естестве беспорядочный и хаотический поток европейской жизни. История сегодня сведена с пьедестала..., она очеловечилась. Она представляется теперь изготовленной из крови, страстей, воли и ошибок людей, живая, свободная, непредвидимая, как все человеческие творения»²¹³.

В том же духе открыто проповедовал самый дикий обскурантизм Орестано. Установив, что «истинная» философия есть прославление того, что не мыслит, Орестано восклицает, что как раз это и есть «философия, полностью и изначально итальянская. Предложить миру обучение этой философии значило бы завоевать Италии новый примат, примат философский...»²¹⁴.

Э. Гарин отмечает, что «после 1929 г. в то время как терпели крах последние иллюзии многих веривших в официальную итальянскую культуру», Орестано «выпала честь стать выразителем всего наиболее темного, смутного, двусмысленного, что оставалось в обращении и предпринимало попытки утвердиться различным образом»²¹⁵.

И все же, все это не просто фальсификация науки, не просто дикие, шарлатанские измышления идеологов фашистского разбоя. Обскурантизм, нападки на науку, на объектив-

ную истину, воспевание иррационализма, самых «темных и мрачных» человеческих инстинктов и т. п. — все это имело определенную цель: обосновать воинственный волонтаризм, агрессивность фашистского «мировоззрения», пробудить в конечном счете в массах «жажду крови». Аппелируя к «философии жизни» Ф. Ницше, к «жизненному порыву» А. Бергсона, рассматривавших «жизнь» как «отчаянную авантюру», как смелое вторжение в возможности бытия, как то, что предваряет всякое существование, Гитлер, Муссолини, фашисты требовали, чтобы фашистское мировоззрение исключало всякую созерцательность, было «активным», «практическим», наступательным «духовным оружием».

Фашистам не нужна была теория, рациональная и научная. Им нужна была «идея», имеющая черты страсти, зовущая к действию. Отсюда апелляция к мистике, мифу, поскольку только они могут-де вызвать озарение, непосредственную общность между толпой и «идеей-силой» (по выражению Джентиле), что и порождает иррациональный порыв, страсть, находящую выход в действии.

Что касается «классической» буржуазной философии, то она, в сущности, капитулировала перед нацизмом. Более того, многие ее представители служили фашистам, например, Э. Шпрангер, М. Хайдеггер, К. Шмидт. Э. Шпрангер решительно выступал против «индивидуалистической эпохи», против таких ее проявлений, как благосостояние и счастье, фикция равенства, пацифизм, демократия, психоанализ и марксизм. Он призывал к восстановлению здорового народного духа, к признанию достоинства крови. Шпрангер приветствовал нацизм, ведущий к возрождению чувства народной чести и достоинства.

О. Больнов также воспевал иррационализм. Что мы должны искать? Не логику и теорию познания статичной целостности, но логику становления и движения. Живое не знает законов, волю и решительность — вот что прежде всего должно принимать в расчет.

Одним из самых признанных «философов» фашизма был Э. Крик. «Культурному надувательству» Э. Крик противопоставлял новый тип героического человека, живущего не духом, а кровью и почвой, не ради образования, а ради дела. Культура

– убежище слабых; человек должен научиться жить без так называемых «вечных ценностей», давно ставших средством обмана и самообмана. «Кровь, – писал Э. Крик, – восстает против формального разума; раса – против рационального стремления к цели; привязанность – против произвола, именуемого «свободой»; органичная целостность – против индивидуалистического распада... народ – против отдельного человека и массы».

Расизм, антисемитизм, национализм, шовинизм

Руководствуясь иррационалистско-активистской «методологией», фашистские заправила Германии объявили ядром, важнейшей составной частью своего «органического мировоззрения» миф о мнимом превосходстве «арийской расы», призванный оправдать «право» немцев на мировое господство, на угнетение и подавление других народов. Раса, согласно догмам фашистов, изначальна, первична, она – первооснова всех исторических явлений, всех государственных образований и культурных достижений²¹⁶. Всеобъемлющий расовый дух, утверждал, в частности, Розенберг, – вот мера всех наших мыслей, воли и дел, подлинный критерий всех наших ценностей. Вся история человечества рассматривалась нацистами как история борьбы рас, прежде всего двух рас: иудейско-сирийско-римской и арийско-нордической. В основе различий расовых типов, по Розенбергу, лежит, прежде всего, биологический фактор – кровь и обусловленные кровью различные физические и духовных характеристики. Кровь расы, – разъяснял А. Розенберг, – это мистическое понятие, не поддающееся уяснению при помощи рассудка, это категория, которая не может быть установлена обычными методами экспериментального исследования, это мистический синтез, темный жизненный поток и т. д.²¹⁷

Фашистская «мировая революция», разглагольствовал далее А. Розенберг, как раз и заключается в «пробуждении расовых типов». Она направлена против демократии и марксизма, начавших «дело искоренения расово-народного мировоззрения»²¹⁸. Разумеется, фашистские идеологи «доказывали», что именно арийская раса является высшей расой, призванной господствовать над другими расами и народами.

Конечно, никакого объективного критерия расовой чистоты и расового превосходства арийцев они указать не могли; единственным признаком расовой общности арийцев они объявили внутреннее мистическое «переживание» арийцами, прежде всего, немцами, своего расового происхождения и чистоты своей северной «крови». Быть арийцем, твердили нацистские «теоретики», значит чувствовать в себе движение потока «своей», арийской «крови», который возбуждает и поддерживает жизнь нации. Кровь является тем фактором чувственной и бессознательной жизни, который пробуждает в каждом индивиду признаки, присущие его расе.

Нацистские заповеди, в сущности, сформировали своего рода «нордическую религию», апеллировавшую к языческим мифам древних германцев, которую они противопоставили христианской религии. Разумеется, их отношение к служителям религиозного культа было сугубо прагматическим. Если священнослужители «не мешали» нацистам, они их не трогали. Тех же, кто им противодействовал, в лучшем случае отправляли в концлагерь. Тем не менее, в «своем кругу» нацистские «вожди» отзывались о христианской религии весьма нелестно. Гитлер в отношении христианства был особенно нетерпим; «я еще смог бы договориться с попами времен Возрождения, хотя их проповеди были опасными и лживыми, да и сами они были преступниками; но они покровительствовали великим художникам и вообще поддерживали красоту, и это вызывает у меня симпатии, не то что ужимки протестантских святош, распространяющих вокруг себя яд».

Геббельс относительно содержания христианских верований не высказывался, но с восхищением отзывался о четкой продуманности структуры католической церкви, о строгой унификации порядка церковной службы. По его мнению, точно также должны оформляться мероприятия нацистов... Однако, как и для Гитлера, для Геббельса церковь также была врагом; после войны, — говорил он, — мы лишим церковь всей ее материальной базы и этим сломаем ей хребет. Тем не менее в церковных кругах было немало приверженцев нацизма. Нацисты-протестанты, создавшие «Движение немецких христиан», стремились придать нацизму религиозный характер. Так, например, в объявлении о выступлении Гитлера говорилось: «Торжественный час с 13.00 до 14.00. В тринад-

цатый час Адольф Гитлер придет к рабочим». Всякому ясно, пишет Виктор Клемперер, «это язык Евангелия. Господь, Спаситель приходит к бедным и погибающим. Рафинированность режиссуры вплоть до указания времени. Не в тринадцать часов, а «в тринадцатый час» — пусть это и содержит в себе некоторую неточность, запоздание, — но Он совершит чудо, для него запозданий не существует. «Знамя крови» на партийном съезде в Нюрнберге — из той же оперы. Но теперь ограниченность церковного ритуала нарушена, старомодный наряд сброшен, легенда о Христе транспонирована в текущую современность: Адольф Гитлер, Спаситель, приходит к рабочим». (В. Клемперер. ЗП. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. М., 1998, с. 55).

Теолог Э. Хирш провозглашал, что нацистское движение — это «священная буря», «новое откровение» и фюрер — это «новый Христос».

Апеллируя к расе, к крови, к языческим культам древних германцев, фашистские теоретики сконструировали свою «типологию» личностей, призванную утвердить биологическое неравенство людей и народов, исходя из «своеобразия» их физиологических и психологических конституций. Так, высший, «интегрированный тип», к которому принадлежат «арийцы», характеризуется, по их мнению, «органическим единством и связью» всех его психологических функций. Низший, «дезинтегрированный» тип, напротив, не способен к образованию «органической общности»; он характеризуется «бессвязным» характером психической жизни, «неустойчивостью» перед внешними влияниями, он склонен к образованию так называемой общности (механического количества, толпы, массы) и т. п. Как утверждал Гитлер, именно ариец является прототипом того, что мы понимаем под словом «новый человек». Противостоящий ему «низший» расовый элемент содержит, по Гитлеру, женственный элемент, обладает типично женственными качествами. Он, подобно женщине, всегда мечтает о том, чтобы найти мужчину, который мог бы стать ее абсолютным господином. Все эти и подобные им примитивные рассуждения призваны были «доказать», что только в «северной, арийской расе», в первую очередь, только в немцах воплощена особая порода «сверхчеловеков», призванных господствовать над всем миром.

Примечательно, что нацисты, провозглашая немецкую расу высшей расой, носительницей лучших человеческих качеств, тем не менее и немецкий народ делили на две неравные части – на громадное большинство, которое состоит либо из «нечистых арийских элементов», либо из «арийцев», лишенных «признаков господ», и на меньшинство – «чистых арийцев», наделенных качествами господ.

Эти рассуждения о расовой «неравноценности» самих арийцев были положены фашистами в основу так называемой евгеники – «науки о расовой чистоте и способах ее сохранения». Фашисты разработали специальные инструкции об установлении степени расовой «порчи» и «неполноценности» в зависимости от наличия различных примесей неарийской крови, а также о методах обращения с лицами смешанного происхождения. Они осуществляли постоянную «аттестацию» населения путем оформления «родословных», учитывающих чистоту арийского происхождения, при этом, например, для зачисления в СС требовались «абсолютная расовая чистота» и отсутствие «неарийских» примесей не менее чем в пяти поколениях предков, а для поступления на службу в государственные учреждения и армию – не меньше чем в четырех. Применяя к людям принципы зоологического отбора и выведения пород, гитлеровцы создали даже специальную организацию – «Лебенсборн», в рамках которой осуществлялось «воспроизводство» потомства «повышенной расовой чистоты»²¹⁹. Гиммлер считал, что не только незамужние, но и замужние женщины, не имеющие четырех детей, обязаны зачать ребенка от расовополноценного немецкого мужчины, разумеется, прежде всего эсэсовца.

Наряду с этим нацисты, руководствуясь принципами зоологического, вульгарного социал-дарвинизма, осуществляли преступную бесчеловечную практику уничтожения «расово неполноценных», «непригодных для жизни» представителей «низших рас», «недочеловеков», по терминологии гитлеровцев. Примечательно, что на формирование расистских «выводов» фашистов о «недочеловеках» (Untermenschen) большое влияние оказали реакционные немецкие «ученые»: биологи и психиатры. Многие из них исповедовали абсолютно антигуманные, аморальные взгляды, квалифицировали людей с расстроенной психикой «экономическим балластом», лицами, не представляющими «никакой ценности»²²⁰. Эти

псевдоученые сами различными способами содействовали созданию гитлеровского мифа о превосходстве арийской расы и о необходимости «очистить» ее от людей с физическими и умственными недостатками. Тысячи врачей были вовлечены в эту страшную операцию, в ходе которой в Германии было истреблено 360 тыс. душевнобольных и «половых извращенцев». И не только в самой Германии. Э. Юнгер в своем дневнике записал такой «эпизод»: Советское государство в одном из совхозов содержало и кормило восемьсот душевнобольных. Немцы всех их уничтожили. В подобной акции, пишет Э.Юнгер, сказалось стремление нацистов заменить мораль гигиеной, подобно тому, как правду они заменяли пропагандой.

В то время как пронацистские психиатры разрабатывали методы «лечения», генетики подводили «научную» базу, оправдывающую уничтожение «второсортных людей». Например, К. Лоренц, будущий Нобелевский лауреат, выдвинул теорию о необходимости очистить «третий рейх» от неполноценного генофонда. В 1940 г., когда нацистский режим достиг своего апогея, К. Лоренц писал: «Руководствуясь расовыми идеями, лежащими в основе нашего государства, мы достигли уже многого в этом отношении!... Нам просто необходимо положиться на здоровые чувства наших лучших представителей и поручить им сделать отбор, от которого будет зависеть процветание или же загнивание нашего народа»²²¹. (Кстати, в настоящее время многие прогрессивные люди весьма обеспокоены тем, что бихевиористские и психирургические методы все чаще рассматриваются как средство решения тех проблем, которые в основе своей носят социально-экономический характер и требуют принятия политических решений. Это служит зловещим напоминанием о мрачных временах в период нацизма в Германии). Фашисты, разумеется, взяли на вооружение все эти «теоретические» изыскания расистских ученых. 15 января 1935 г. был принят закон о гражданстве рейха, который разделял граждан на два разряда: первый – граждане рейха – это немцы арийского происхождения, только они наделялись политическими правами; второй – все остальные – жители рейха, не имеющие арийского происхождения. Позднее, 15 сентября 1935 г., был принят «Закон о защите немецкой крови и немецкой чести», запрещавший браки и сожительство граждан рейха с евреями. В том же 1935 г. нацисты лишили цыган всех их гражданских прав, а затем

в течение последующих лет поголовно загнали их в концентрационные лагеря, где в рамках политики «расовой гигиены» уничтожили почти 1 млн цыган. В целом с 1933 по 1936 г. в Германии было издано около 250 расистских и, прежде всего, антисемитских циркуляров и инструкций; 550 тысяч немецких евреев попали под действие расовых законов.

В ходе войны Гитлер считал особой задачей сохранение и восстановление «хорошей крови». Где бы в мире ни находилась германская кровь, мы берем то, что хорошо, себе. С тем, что остается после этого у других, против германского рейха они не выступают. Так называемые «расовые комиссии» отбирали и проверяли на оккупированных территориях многих отобранных лиц на их «немецкий дух», и, если он соответствовал требованиям, переселяли их, чтобы окончательно онемечить, в Германию, причем отбирались, прежде всего, несовершеннолетние (дети 10–14 лет, не старше). Если удастся сохранить рейх «в расовом отношении на высоте и в чистоте», вещал Гитлер, то он обретет твердость кристалла и будет неуязвим. Тогда окончательно восторжествует нарушенный природный порядок, вырастут «натуры истинных господ», падут все лжерелигии, проповедующие разум и гуманизм, совесть и мораль, личную независимость и свободу; воля, право сильного, отвага и варварство окончательно утвердятся в своих правах. Служение нации, государству, фюреру станет высшим долгом арийца. Эту задачу – задачу «сохранения и восстановления крови», задачу воспитания арийца Гитлер считал настолько важной, что неоднократно подчеркивал: «Тот, кто понимает национал-социализм только как политическое движение, почти совсем не разбирается в нем. Он более чем религия: он воля к созданию нового человека». В кругу своих сообщников Гитлер откровенно говорил о необходимости устранения «целых расовых единиц». Мы должны развить технику обезлюживания. Если я посылаю в пекло войны цвет германской нации, то, конечно же, я имею право устранить миллионы низшей расы, которые размножаются как черви. Политика «обезлюживания» в первую очередь была направлена против славян и евреев. На Востоке должны жить исключительно люди чистой немецкой крови, заявлял Гитлер еще в «Майн Кампф». По плану «Ост» нацисты планировали переселить в восточные оккупированные области 31 млн человек немецкого происхождения в течение 20–30 лет.

«Генерал-губернатор» Польши Г. Франк, в частности, заявлял, что политическая роль польского народа закончена. Поляки – рабочая сила, больше ничего. Мы добьемся, чтобы навек стереть само понятие Польша.

Международный Военный Трибунал решительно осудил политику обезлюживания, то есть изгнания и уничтожения местного населения и последующей германизации освобожденных территорий как преступную, бесчеловечную политику.

Итальянские фашисты также исповедовали и обосновывали расистские принципы (хотя, следует отметить, в этой стране расизм не привился так глубоко, как в нацистской Германии). Вслед за нацистами фашистское правительство Италии в 1937 г. также утвердило «Закон о защите расы», полностью списанный с гитлеровского расового Кодекса.

Согласно новому закону сожительство итальянцев («белых») с черными объявлялось тягчайшим преступлением и каралось тюрьмой. Результатом дальнейшего углубления расового мировоззрения итальянского фашизма явился ряд мероприятий, предпринятых против изобретенного им «еврейского засилья», – мер, увенчавшихся опубликованием в ноябре 1938 г. закона, согласно которому евреям, проживающим в Италии, запрещается находиться на службе в каких бы то ни было государственных и общественных учреждениях, в школах всех типов; евреям запрещалась служба в армии и вступление в брак с «арийцами»; евреи – иностранные подданные были обязаны покинуть пределы Италии; наконец, подлежали высылке евреи, поселившиеся в итальянской империи после 1919 г., причем их имущество конфисковывалось.

Расистские бредни распространялись не только в Европе, не только в фашистских странах, но, например, и в США, кичившихся демократичностью своей общественно-политической системы. В США еще в самом начале XX века несколько видных американских промышленников стали оказывать финансовую помощь выше упоминавшейся «евгенике», ставившей целью «улучшить человечество», используя достижения генетики. «Позитивная евгеника» должна была обеспечить воспроизводство «пригодных» индивидов среди населения, а негативная – уменьшить число «непригодных». И дело не ограничивалось только проповедью расистских идей. Евгенистам в США удалось в то время проложить доро-

гу законам о запрещении браков между представителями различных рас. Такие законы были приняты примерно в 30 штатах США. 24 штата приняли законы о стерилизации лиц, «не приспособленных к жизни в обществе». А во Франции расистские, прежде всего, антиеврейские, законы были обнародованы (30 октября 1940 г.), еще до того, как этого потребовали немцы. Эти законы объявляли евреем всякого, кто имеет евреев среди предков на протяжении трех предшествующих поколений или состоит в браке с человеком, среди предков которого есть евреи в двух предшествующих поколениях. В соответствии с этими законами евреям запрещалось занимать государственные и общественные должности, быть офицерами в вооруженных силах, преподавателями в школах и вузах, исполнять обязанности редакторов и владельцев газет, режиссеров, управляющих кинозалами, театрами и т.д. и т.п. Любой, признанный евреем, обязан был в течение месяца явиться к префекту департамента и письменно заявить о роде своей деятельности, гражданском положении, дать сведения о своем имуществе. Нарушивших эти законы ожидает заключение под стражу, предупреждали коллаборационистские власти.

Для фашистов главное значение расовой теории заключалось в том, чтобы «обосновать», оправдать кровавый план завоевания фашизмом мирового господства. Еще до прихода фашистов к власти проповедники «фёлькише» (от слова Volk – народ) выдвинули тезис о мнимом превосходстве германской культуры, германского духа над бездушной либеральной цивилизацией остальных западноевропейских народов. Опираясь на этих своих идейных предшественников (у которых нацисты позаимствовали многие ритуалы и символику, в частности, знак свастики), фашисты трактовали понятие «народ» как сугубо расовую культурно-биологическую и мистическую общность, всегда находящуюся во враждебных, антагонистических отношениях с другими подобными общностями. Эта вражда, подчеркивали фашистские идеологи, отнюдь не является продуктом объективных антагонистических социальных отношений, наоборот, сами эти отношения – порождение вражды, которая коренится в духовной субстанции «народа» и со временем достигает крайней степени интенсивности, приводя к войне между народами.

В фашистской идеологии и практике борьба за сохранение чистоты расы становится, подчеркивает, в частности, Р. Бурдерон, «мощным мобилизующим фактором, ибо она является насущно необходимой для самого индивидуума. Перед лицом угрозы вырождения расы, а, следовательно, и входящих в нее индивидуумов каждый немец отстаивает свою собственную жизнь.

С биологической точки зрения интересы расы и интересы индивидуума единое целое. Следовательно, перед лицом общности крови стирается всякое чувство принадлежности к той или иной определенной группе, исчезает всякое ощущение чужеродности в отношении немца иной социальной принадлежности. На основе кровных уз образуется народное сообщество»²²².

Посредством биологизации и мифологизации понятия «народ» фашисты преследовали цель представить в глазах немца политику монополий, политику господствующего класса как миссию расы, к которой он сам принадлежит; им важно было добиться, чтобы подчинение и угнетение рядового немца правящей капиталистической олигархией выступало бы как свободное, добровольное служение делу собственной расы, собственной нации, собственного народа. Человечески-нацистические деяния немецкого империализма становились в таком случае, в сущности, законом природы, заповедью расы. Подчинение диктату монополий выступало бы для немца как формирование «сообщества», упрочивающего его собственное положение, возвышающего его. Пусть концерны угнетают, эксплуатируют, разоряют немца; он знает, кто «виновен» во всем: «низшие расы»; против них он и должен бороться. Наряду с таким иррациональным видением «народной общности» немцу вдалбливали в голову, что он — представитель высшей, господствующей расы, что лучшая раса имеет абсолютное право господствовать, что она должна установить и сохранить без каких-либо колебаний свое господство над низшими расами. Причем, что касается средств борьбы, то во имя интересов расы все дозволено.

Как отмечает Р. Бурдерон, «расизм дает положительную возможность отвергнуть классовую борьбу, реинтегрировать в национальное сообщество массы, особенно рабочие массы, подавшиеся на приманку интернационализма, и возложить

на сообщество, в котором отныне царит согласие, основную (империалистическую) миссию. С точки зрения негативной он дает возможность найти ответственных за ныне царящую бедственную ситуацию, играющих роль козлов отпущения, на которых возлагают вину за все грехи человечества (в расистском понимании). И таким образом, он дает возможность разделаться с ними и тем самым открыть лучезарный путь к дальнейшему гармоническому развитию высшей расы. Так, расизм обретает черты универсальной категории»²²³.

Представителями низших рас и врагами, которых надо уничтожить, объявлялись в первую очередь евреи, славяне, французы. После евреев нацисты питали особую ненависть к славянским народам. «После столетий хныканья о защите бедных и униженных наступило время, чтобы мы решили защитить сильных против низших. Это будет одна из главных задач немецкой государственной деятельности на все время — предупредить всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами дальнейшее увеличение славянской расы. Естественные инстинкты повелевают всем живым существам не только завоевывать своих врагов, но и уничтожать их»²²⁴, — вещал Гитлер. И далее снова и снова Гитлер твердил: «Моя миссия — уничтожить славян. Славянство представляет собой биологический вопрос, а не идеологический. К России нельзя подходить с юридическими и политическими формулами, так как русский вопрос гораздо опаснее, чем это кажется, и мы должны применять колонизаторские и биологические средства для уничтожения славян».

Тем не менее расистский бред фашистских заправил нашел свое кульминационное выражение в первую очередь в проповеди и практике антисемитизма. Антисемитизм, жестокое истребление евреев как народа были в фашистской Германии государственной политикой, проводимой как официально, так и путем подстрекательства к массовым и индивидуальным расправам с евреями. Фашисты проповедовали самый отвратительный, самый грубый и примитивный антисемитизм. Самому Гитлеру был присущ патологический антисемитизм. «Разве есть на свете хоть одно нечистое дело, хоть одно бесстыдство какого бы то ни было сорта и, прежде всего, в области культурной жизни народов, в котором не был бы замешан по крайней мере один еврей? Как в любом гнойнике

найдешь червя или личинку его, так в любой грязной истории непременно натолкнешься на еврейчика... Защищая себя от еврейства, я вношу свой вклад в дело Господне... Евреизация нашей духовной жизни рано или поздно приведет к полной гибели... Грех крови и осквернение расовой чистоты — первобытный грех в этом мире и угрожает гибелью всему человечеству...

С сатанинским удовольствием, светящимся на их лицах, черноволосые еврейские юнцы подлавливают ничего не подозревающую белокурую девицу, которую они испачкают своей кровью и навсегда уведут от ее народа. Еврейство использует все средства для разрушения расовых основ того народа, который оно намерено подчинить. Евреи делают все, чтобы не только систематически развращать наших девушек и женщин, но и способствовать загрязнению крови по большому счету. Это они привезли негров в долину Рейна, никогда не предавая забвению свою тайную мысль и цель — разрушить ненавистную им белую расу, сбросить ее с культурного и политического пьедестала и стать господами мира...» — такими и подобными бредовыми сентенциями напичкана вся гитлеровская «Майн кампф».

Геббельс также говорил и писал дикие вещи: евреи — паразитическая раса, произрастающая как гнилостная плесень на культуре здоровых народов. Против них существует одно средство — отсечь и выбросить.

Как уже отмечалось, бредни нацистских вожаков старались подкрепить «научными» аргументами их приверженцы из научных кругов. Это имеет прямое отношение и к антисемитизму. Р. Шмидт в «Справочнике по еврейскому вопросу» заявлял, что еврейский дух направлен на то, чтобы полностью разрушить все основные ценности, поскольку они не имеют рационалистической природы и на место созидательного немецкого духа поставить аналитически разложенную и пораженную скепсисом мелкую литературу, ворох так называемых теоретико-критических расщеплений, чисто формалистических упражнений, подрывающих арийское мировоззрение. К. Шмидт, открывая состоявшийся 3-4 октября 1936 года научный Конгресс (в котором участвовало до 400 человек), в своем докладе «Еврейство в науке о праве» подхалимски вещал: «Все, что фюрер говорит о еврейской диалектике, мы должны вновь и вновь твердить себе и нашим студентам,

дабы избежать величайшей опасности, заключенной во все новых маскировках и увертках. Одного только эмоционального антисемитизма здесь недостаточно, нужна основанная на познании уверенность... Расовому учению мы обязаны знанием различия между евреями и всеми остальными народами». Далее он предложил считать сочинения немецких авторов еврейского происхождения переводами с еврейского языка, помещать их в библиотеках в раздел «Judaica» и, если в случае крайней необходимости нельзя обойтись без цитат, помечать эти тексты шестиконечной звездой, дабы легко отличать их от подлинно немецких. И это было сказано еще за пять лет до того, как нацисты предписали евреям носить шестиконечную звезду на одежде!

По Гитлеру, и марксизм, и социал-демократия, и большевизм, — все это проявления еврейства. Особенно ненавистно Гитлеру еврейское учение марксизма. Оно ненавистно ему потому, что «отвергает аристократический принцип рождения и на место извечного превосходства силы и индивидуальности ставит численность массы и ее мертвый вес. Марксизм отрицает в человеке ценность личности, он оспаривает значение народности и расы и отнимает, таким образом, у человечества предпосылки его существования и культуры. Если бы марксизм стал основой всего мира, это означало бы конец всякой системы, какую до сих пор представлял себе ум человеческий. Для обитателей нашей планеты это означало бы конец их существования. Если бы еврею с помощью его марксистского символа веры удалось одержать победу над народами мира, его корона стала бы венцом на могиле всего человечества...».

Ныне я уверен, — вещал Гитлер, — что действую «вполне в духе творца всемогущего; борясь за уничтожение еврейства, я борюсь за дело божие». Поразительно, что Гитлер, Геббельс и другие фашистские главари даже ожидали пропагандистского эффекта от массового уничтожения евреев, в рамках которого «Европа будет прочищена с Запада на Восток». «Наш антисемитизм, — заявил, в частности, Гитлер, 22 июня 1944г. (то есть за год до сокрушительного краха фашизма!) выступая перед генералами и офицерами, — распространится на весь мир, так же (!) как в свое время идеи французской революции предшествовали французским армиям и облегчали победы Наполеона. Так же будет и у нас»²²⁵.

Антисемитизм фашистских громил был не просто бредом нацистских маньяков. Он имел определенные политические причины, за ним скрывался холодный политический расчет. С помощью антисемитизма фашисты желали отвлечь внимание трудящихся масс от их подлинных угнетателей. Дело в том, что многие представители мелкобуржуазных кругов, в том числе и трудящиеся, достаточно часто сталкивались с евреями-капиталистами, особенно с владельцами крупных универсальных магазинов. Фактически сами они ненавидели в состоятельном еврее не столько еврея как представителя определенной расы, нации, национальности, сколько капиталиста, который их эксплуатировал и угнетал.

Однако, фашисты, спекулируя на том, что среди капиталистов было немало евреев, сумели перевести ненависть трудящихся к угнетателям-капиталистам в русло антисемитизма; разжигая антисемитизм, они сумели скрыть истинные причины социальных противоречий и конфликтов, размыть классовые позиции широких трудящихся масс. Гитлер, Геббельс, Розенберг постоянно вещали, что именно евреи эксплуатируют рабочих, что именно евреи развязали первую мировую войну, что именно еврейский капитализм и еврейский большевизм стремятся к мировому господству, к новой мировой войне. Фашистские заправилы всегда, повсюду назойливо твердили, что капитализм, либерализм, марксизм, большевизм и т. п. – все это продукты «еврейства», абсолютно чуждые подлинным арийцам.

Антисемитизм, расовая теория в целом действительно были действенным идеологическим оружием в руках нацистов. Апеллируя к мифу о расе, крови и т. п., требуя очищения народного сообщества от чуждых примесей, фашисты сумели навязать многим немцам чувства националистической вражды, миф, будто люди другого происхождения или цвета кожи являются неполноценными.

Фашистам удалось использовать антисемитизм как важное средство отвлечения трудящихся масс от классовой борьбы с капитализмом и фашизмом. Под видом борьбы с «еврейским капитализмом» фашизм на самом деле вел борьбу с рабочим движением, с рабочим классом в целях защиты капитализма. Выступления рабочих против своих классовых противников фашисты демагогически объявляли враждебными немецкому

социализму, изображали как действия, идущие якобы на пользу еврейскому капиталу. Коммунистов они неизменно называли не иначе, как приверженцами «еврейской партии». И, конечно, важную роль в проведении фашистами политики антисемитизма играли экономические интересы, тот факт, что все имущество евреев конфисковывалось и передавалось в собственность монополистов «арийского» происхождения или фашистских фюреров.

Антисемитизм служил фашистам также и обоснованием агрессивной внешней политики, их ставки на развязывание империалистической войны против СССР. Объявив еврейство и марксизм одним и тем же учением, фашисты стремились привить мелкобуржуазным массам Германии ненависть к коммунизму и мобилизовать их на истребительную войну против СССР. «Борьба против еврейской большевизации мира, — истерически кричал Гитлер, — требует ясной позиции в отношении Советской России». Эти и подобные призывы должны были прикрыть подлинную агрессивную сущность германского фашизма, стремящегося к мировому господству.

Преступным, бесчеловечным было практическое выполнение германскими фашистами своей программы «окончательного решения» еврейского вопроса. В конечном счете, нацисты уничтожили более 6 млн евреев из 10 млн, живших в Европе. В этой связи удивляет позиция английского историка Д. Ирвинга, считающего, что Гитлер вовсе не желал решения еврейского вопроса в смысле их физического уничтожения; он де лишь желал их изгнания из Европы и переселения на Мадагаскар. Д. Ирвинг заявляет также, что Гитлер будто бы неизменно протягивал свою руку для защиты евреев, что он якобы отменял приказы об их физическом уничтожении, когда узнавал о них. Все дело якобы в том, что его распоряжения не убивать евреев «запаздывали». Они доходили до адресата уже после того, как евреи были убиты. Странные, скорее даже, злонамеренные рассуждения!

Диктатор, постоянно твердящий, что он юдофоб, враг евреев с детских лет, посылающий в адрес евреев одни угрозы и проклятия, требующий уничтожения еврейства и вдруг... их защитник. К тому же он оказывается весьма слабый диктатор, его не слушают, приказов его не исполняют. Все это неправда, цель которой хоть в какой-то мере обелить человека-ненавистника.

Конечно, фашисты «прятали концы в воду»; они изобрели собственный эрзац-язык, где вместо слова «убийство» фигурировали слова «выселение», «спецобращение», «естественное сокращение» и т.п. А в реальности, как цитирует в своей книге И. Фест показания одного немецкого инженера, это выглядело так: «Я слышал звучавшие один за другим в быстрой последовательности выстрелы из-за земляного холма. Сошедшие с грузовиков люди... должны были по требованию эсэсовца, держащего в руке плетку, раздеться догола и сложить одежду, обувь, верхнее и нижнее белье — все отдельно — в определенных местах. Люди раздевались без крика и плача, целовались, прощаясь друг с другом. На протяжении четверти часа, что я стоял у ям, я не слышал никаких стенаний или просьб о пощаде.

Я наблюдал за одной семьей. Старая женщина с седыми волосами держала на руках годовалого ребенка, что-то напевала ему и щекотала его. Ребенок закатывался от удовольствия. Супружеская пара со слезами на глазах смотрела на него. Отец держал за руку мальчика лет десяти и что-то тихо говорил ему. Мальчик изо всех сил старался сдержать слезы. Я еще отлично помню, одна девушка, черноволосая и стройная, проходя мимо меня, показала на себя рукой и сказала «Двадцать три года!» Я обошел холм и оказался перед огромной ямой. В ней вплотную друг к другу лежали люди. Почти со всех голов на плечи стекала кровь. Часть расстрелянных еще шевелилась... Я оглянулся на того, кто стрелял. Этот человек, эсэовец, сидел на краю ямы, опустив ноги в яму и положив автомат на колени, и курил сигарету. Совершенно нагие люди спускались в яму. Они ложились впереди убитых или раненых людей, некоторые гладили еще живых и что-то тихо говорили им. Потом Я услышал автоматную очередь...».

Бесспорно, считает И. Фест, все рассуждения о намерении Гитлера превратить остров Мадагаскар в своего рода гетто для примерно пятнадцати миллионов евреев несостоятельны и являются домыслами. «Ибо коль скоро еврейство действительно было главным носителем инфекции великой болезни мира, как он постоянно вещал, то не имело смысла создавать для него какую-то резервацию, а следовало уничтожить его как биологическую субстанцию»²²⁶.

Главный убийца евреев Эйхман признал, что нацистами было убито 6 млн евреев. Только в Освенциме (Аушвице) и

Майданеке было убито – соответственно – 4 млн и 1,5 млн человек. 29 сентября 1941 г., в Бабьем Яру, в 50-метром овраге, всего лишь за один день было расстреляно 29 тыс. человек – абсолютный рекорд народоубийства! Всего же в Бабьем Яру фашисты расстреляли свыше 100 тыс. мужчин, женщин, детей и стариков.

Павел Полян в своей книге «Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и последствия о катастрофе» описал страшные преступления нацистов в Аушвице. После разгрузки грузовиков всех заставляли раздеться и, дав по кусочку мыла, запускали в «баню», – на самом деле в газовню. С недоумением смотрели все наверх, на сухие краны, обещанную воду все никак не пускали, а «когда невидимые им люди в газовых масках вбросили сверху в «душевую» какие-то зеленоватые кристаллы, жить им оставалось всего несколько мучительных минут». Эти кристаллы были кристаллами газа – циклона Б, который не знал жалости: перекрывая человеческим тканям кислород, пары синильной кислоты начинали свое действие с невыносимой горечи во рту, затем царапали горло, сжимали грудину, вызывая головную боль, рвоту, судороги и отдышку, затем наступал паралич всей дыхательной системы. Искореженные страданием, вцепившиеся друг в друга, окровавленные и перепачканные испражнениями трупы, извлекали, грузили на вагонетки и сбрасывали в огромные и никогда не остывавшие ямы-костры... (Не забыв, разумеется, перед этим заглянуть им в рот и вырвать золотые зубы, а у женщин – еще и выдрать сережки и срезать волосы). Убийство циклоном Б было «недорогим». Для удушения 1000 человек было достаточно всего четырех килограммов вещества. Если жертв было «немного», не более 500, то циклон Б на них не тратили, а убивали пистолетными выстрелами в затылок.

Генеральный директор фирмы, производящей «циклон Б», Герхард Петерс так оправдывался после войны перед судом: он де действовал «с самыми лучшими» намерениями «облегчить участь людей, и так обреченных на смерть». И он был оправдан боннскими судьями.

Нацисты убивали не только взрослых, они методически, жестоко убивали детей. Детей, которые могли стать поэтами, писателями, учеными. Они бесчеловечно убивали будущее человечества. В 2004 г. в журнале «Иностранная литература»

№ 5 были опубликованы «Стихи детей из Терезина». Терезин – небольшой город в Чехии. Нацисты превратили его в гетто, в специфический детский концлагерь. Из Терезина узников направляли в лагеря уничтожения: в Трешлинку, Освенцим и т.п. В Терезине было много детей, более 10,5 тыс. младше 15 лет. Время в Терезине делало детей мыслителями. «Неотступная мысль о смерти, даже если она не допускалась сознанием, терзала исподволь, и дети задавались вопросами, на решение которых обычно уходит вся жизнь».

Разрывают сердце слова 9-летнего мальчика: «Я не боюсь, здесь все так страшно, что там, в небе, мне, наверное, будет лучше». Другой мальчик, в ответ на замечание, что он знает многое, возразил: «Я знаю многое, но я знаю также, что я ничему больше не выгучусь, и это самое грустное».

Некоторых детей, даже оставшихся в живых, концлагерь все равно настигал. Автор вступительной статьи к «Стихам детей из Терезина» Елена Макарова рассказывает о Зденек Орнесте (Ориштейне), который вернулся в Прагу, пройдя Терезин, Освенцим, Бухенвальд и Дахау. Он стал известным актером, но стихов больше не писал. Его жизнью стала сцена, где он скрывался от одиночества, а любимой книгой – «Софи делает выбор» Стайрона. «Как жить ценой чужой гибели?» – вопрос, сформулированный Стайроном, не давал Зденек покоя. Он покончил жизнь самоубийством. Но незадолго до самоубийства он рассказал Елене Макаровой вот эту историю: «В нашем бараке остались одни доходяги. И два брата-близнеца моего возраста. Я не любил их за пронырливость. Уведут цыган в газ – они тут как тут, подбирают вещички... Стреляли в любого, кто поскользнулся или замешкался... Не помню, как я оказался в открытом вагоне, нас навалили друг на друга, три-четыре дохляка в одной упаковке... Я не мог дышать, я пытался спихнуть того, кто лежал на мне, кусал и щипал его, пока он не свалился... Он прохрипел и стих. Мне было тошно смотреть на труп, и я попросил близнецов оттащить его в сторону, те согласились за хлеб. Хлеба у меня не было. Видишь, я не только сравнил с близнецами, я превзошел их. Они-то никого не убивали...».

И вот стихи, отрывки их стихов, детей-пленников концлагеря Терезина. Стихи трагически-мудрые...

Павел Фридман (1926–1944)

Бабочка

та последняя бабочка, та последняя самая,
полная солнечного золотого цвета,
как желтого солнца слеза о белый звякнула камень
и тут же легко взлетела
словно хотела успеть
расцеловать мой последний свет.

В гетто живу уже седьмую неделю
подругой мне стала каштана белая ветвь
друзьями в саду — желтые одуванчики,
Но бабочки здесь больше я не встречал
та была самой последней бабочкой в гетто
бабочки здесь не живут.

«Терка». Это стихотворение написала девочка 12 лет, она
была убита, имя ее неизвестно.

* * *

Жил-был на свете домик, стоял под горкой,
В доме — квартирка в четыре светлых окна.
Всех приглашаю там побывать, как в сказке:

Как расписная шкатулка, у Терки светелка.
В ней собралось не ценимое прежде добро:
Куклы, картины на стенах, книги на полках,
А на столе — кисть, карандаш и перо.

Тут обрывается сказка. Как все, по приказу,
Как велено, из дому вышла. Надела пальто.
Все, что любила да не ценила, сразу,
Вдруг превратилось в одно большое НИЧТО.
Мы на заре взвалили на плечи котомки.
Двери закрыли — в скважине хрустнул ключ.
Прочь мы уходим, уходим в такие потемки,
Где ничего-ничего...
Только памяти луч.

Франтишек Басс (1930–1944)

* * *

Вот он, садик аленький.
Пахнут розы робко.
Ходит мальчик маленький
Узенькою тропкой.

И похож мальчоночка
На бутончик ранний.

Лишь бутон раскроется –
Мальчика не станет.

Зденек Грюнхут

* * *

Ему десять, всего десять лет!
Здесь их убежище, здесь их жилище.
На чердаке ветер воет и свищет.
Двадцать детей проживают вот так:
На чердаке под самой крышей
Темною ночью пугают их мыши.
Серые мыши шуршат и пищат,
Дети от страха все ночи кричат.

Петер Гинц (1928–1944)

* * *

В жуткой торчу дыре вот уже триста дней,
Будто бы в клетке зверь, и вырваться как, не знаю.
Две улицы здесь вместо каменных площадей.
Прага, как сказку из камня, тебя вспоминаю.

Гануш Гахенбург (1929–1944)

* * *

Кто я такой?
Какого племени, роду?
К какому я принадлежу народу?
Кто я – блуждающий в мире ребенок?
Что есть отечество – гетто, застенки
Или прелестный маленький певчий край –
Вольная Чехия, бывший рай?

Какие острые вопросы ставит Гануш перед собой и перед человечеством!
К чему человечеству точность прекрасной науки?
К чему ему женщин красивых губы и руки?
К чему этот мир, если миром бесправье правит?
К чему ему солнце, коль день никак не настанет?
Зачем ему Бог? Чтоб только карать и мучить?
Иль чтоб человечество стало немного лучше?

Может быть, мы и не люди вовсе, а звери,
Рожденные для страдания, чтоб сгнить в пещере?
К чему эта жизнь, где все живое так жалко?
Зачем превратился мир в огромную свалку?
Верь мне, сынок, все так обернулось страшно,
Чтоб стал ты мужчиной! Чтоб воевал отважно!

Вера в Ничто

* * *

я одинок
мне нет никакого ответа
в пещле после огромного пламени
нет ничего

Жизнь и смерть

Весь мир — это жизнь и смерть:
солнечный луч обжигающий твердь,
дикая буря в морях,
заливающая острова,
вечна любовь — кровью земля жива.
Из лона Земли жизнь рождена
и с умением редким
отдается плодится себя пожирает она
себе расставляя сети.
Так задумано биоклеткой —
время для жизни и — время для смерти.
Смерть занесла грязную руку над нашей
юдолью и над душою моею
переполняется черепа чаша
высохнет мозг и всей массой костей
крови мускул и жил
плоть закричит:
«Жизнь! Жизнь! Жизнь?!»

Зденек Орнест

* * *

Кроха тепла
Как я завидую крохе тепла, друзья!
Ах, дорогое тепло, о тебе я мечтаю до слез -
Вот бы сейчас притулиться к твоим коленям!

Но стоит очнуться полностью мне от снов
И почувствовать страшный голод, как я опять
Отказаться от всех мечтаний своих готов,
Под одеяло залезть бы — и спать, спать, спать...

(Продолжение в четвертой части)

Примечания

- ¹⁶⁰ Шпенглер О. Пруссачество и социализм. — Пг., 1922. С. 23.
- ¹⁶¹ См.: Галкин А. Германский фашизм. — М., 1967. С. 312–316.
- ¹⁶² Spengler O. Der Mensch und die Technik. — Munchen. 1932. S. 78.
- ¹⁶³ «Вживание, наблюдение, сравнение, непосредственная внутренняя уверенность, точная чувственная фантазия... таковы средства исторического исследования вообще», — утверждает О. Шпенглер (см.: Закат Европы. — М.; Пг., 1923. Т. I. С. 25).
- ¹⁶⁴ Spengler O. Politische Schriften. — Munchen. 1933.
- ¹⁶⁵ Лебон Г. Психологические законы эволюции народов. — СПб., 1906. С. 10.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 27.
- ¹⁶⁷ Лебон Г. Психология социализма. — СПб., 1908. С. 384.
- ¹⁶⁸ Лебон Г. Психология народов и масс. — СПб., 1896. С. 207, 250.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 238.
- ¹⁷⁰ Лебон Г. Психология народов и масс. С. 157, 190.
- ¹⁷¹ Там же. С. 157.
- ¹⁷² См.: Лебон Г. Психологические законы эволюции народов. С. 36.
- ¹⁷³ Следует отметить, что хотя реакционный политический смысл теорий Парето и Моски бесспорен, тем не менее сами Парето и Моска не выдавали свидетельства элитарности фашистским заправилам.
- ¹⁷⁴ См.: Джемс У. Прагматизм. — СПб., 1910.
- ¹⁷⁵ См.: Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. — М., 1977. С. 36.
- ¹⁷⁶ См.: Гарин Э. Хроника итальянской философии XX в. С. 286.
- ¹⁷⁷ Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. — Hamburg, 1932. S. 241.
- ¹⁷⁸ Цит. по: Галкин А. Социология неофашизма. С. 82.
- ¹⁷⁹ Правда, сам Юнгер от прямого сотрудничества с гитлеровцами уклонился.
- ¹⁸⁰ Junger E. Der Arbeiter, Herrschaft und Gestalt. — Berlin, 1932.
- ¹⁸¹ Junger E. Der Friede. — Hamburg, 1945.
- ¹⁸² Димитров Г. Избранные произведения. Т. 2. С. 123.
- ¹⁸³ Fichte I. Beitrag zur Berichtigung der Urteile des Publikums uber die französische Revolution. Samtliche Werke, Abt. III, B. I, II. 2. Kap. IV. S. 183.
- ¹⁸⁴ Fichte I. Reden an die deutsche Nation. — Berlin, 1912. S. 234.
- ¹⁸⁵ Cant I. Beantwortung und Frage: Was ist Aufklarung? — Werke, Bd. IV, 1913. S. 169.
- ¹⁸⁶ Кант И. Соч. — М., 1940. Т. II. С. 242.
- ¹⁸⁷ Kant I. Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltburgerlicher Absicht. Werke, Aufl., Cassirer, Bd. IV, 1933. S. 162, 163.
- ¹⁸⁸ См.: Гейне Г. К истории религии и философии в Германии. — М., 1958. Т. 6. С. 96–101.
- ¹⁸⁹ Гегель. Философия истории. Сочинения. — М.; Л., 1935. Т. VIII. С. 65.
- ¹⁹⁰ Гегель. Философия истории. Сочинения. — М.; Л., 1935. Т. VII. С. 270.

- ¹⁹¹ Там же. С. 270–273.
- ¹⁹² Гегель. Философия права. – Сочинения. Т. VIII. – М., С. 72.
- ¹⁹³ Kroner F. Von Kant bis Hegel. Bd. II. S. 271.
- ¹⁹⁴ Гегель. Соч. Т. 1. Ч. 1. Логика. – М.; Л, 1929. С. 16.
- ¹⁹⁵ Эккерман И. П. Разговоры с Гете. – Л., 1934. С. 815.
- ¹⁹⁶ Лукач Г. Борьба гуманизма и варварства. – Ташкент, 1943. С. 20.
- ¹⁹⁷ Цит. по: Фишер К. История новой философии. – СПб., 1905. Т. III.
- ¹⁹⁸ См., напр., о фальшивке по поводу «Завещания Петра I»; Павленко Н. Петр Первый. – М., 1975. С. 374, 375.
- ¹⁹⁹ Цит. по: Лопухов Б. Р. Антонио Грамши. – М., 1963. С. 272.
- ²⁰⁰ Там же.
- ²⁰¹ Цит. по: Гарин Э. Хроника итальянской философии XX в. С. 49.
- ²⁰² Croce V. Conversazioni critiche, seria I. – Bari, 1950. P. 305.
- ²⁰³ Цит. по: Аббате М. Философия Бенедетто Кроче и кризис итальянского общества. – М., 1959. С. 202.
- ²⁰⁴ Croce V. Pagine sparse. – Napoli, 1943. Vol II. P. 397, 398.
- ²⁰⁵ См.: Асмус В. Фашистская фальсификация классической философии. – М., 1942. С. 4. Глава 4
- ²⁰⁶ См.: Германская история. – М., 1970. Т. 2. С. 233. Этим принципом был антимарксизм. Антимарксизм был основной служебной целью фашистской идеологии; борьба с марксизмом, нейтрализация влияния марксистских идей на трудящиеся массы была главной социальной функцией, обусловившей возникновение идеологии фашизма. Гитлер вещал в 1933 г.: «14–15 лет тому назад я заявил немецкой нации, что вижу свою историческую задачу в том, чтобы уничтожить марксизм. С тех пор я постоянно повторяю сказанное. Это не пустые слова, а священная клятва, которую я буду выполнять до тех пор, пока не испущу дух».
- ²⁰⁷ Leske M. Zur Stellung und Demagogie der Naziphilosophie im «Dritten Reich» // Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1983. Nr. 11. S. 1293–1303.
- ²⁰⁸ Цит. по: Лопухов Б.Р. Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 250.
- ²⁰⁹ Тольятти П. Лекции о фашизме. С. 16, 17.
- ²¹⁰ См.: Одуев С.Ф. Критика философии фашизма. – В кн.: Проблемы борьбы с идеологией фашизма и неофашизма. С. 68.
- ²¹¹ Цит. по: Гарин Э. Хроника итальянской философии XX в. С. 154.
- ²¹² См. там же.
- ²¹³ См. там же. С. 291.
- ²¹⁴ Цит. по: Гарин Э. Хроника итальянской философии XX в. С. 152.
- ²¹⁵ Там же. С. 151.
- ²¹⁶ Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933–1945. Hrsg. v. W. Hofer. – Fr. am M., 1957. S. 10–15.
- ²¹⁷ Rosenberg A. Mythos der 20. Jahrhunderts. – München, 1941. S. 480.
- ²¹⁸ Там же. С. 694, 695.
- ²¹⁹ См.: Бланк А.С. Старый и новый фашизм. С. 101–102.
- ²²⁰ Koch E. Im Kopf ein Paradies. Auf dem Weg zu einem sanften Faschismus. – München, 1984.
- ²²¹ Цит. по: Чавкин С. Похитители разума. – М., 1981. С. 19.
- ²²² Бурдерон Р. Фашизм: идеология и практика. – М., 1983. С. 63, 64.
- ²²³ Там же. С. 65.
- ²²⁴ Цит. по: Rauschning H. Die Revolution des Nihilismus. – N. Y., 1938. S.78.
- ²²⁵ Цит. по: Хаффнер С. Самоубийство Германской империи. С. 75.
- ²²⁶ Там же. С. 288.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ
ЦЕНТР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ

Серия
«Библиотечка Центра развития
социально-гуманитарных проектов»

Из цикла
«ИМИДЖ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ»
праваистории.рф
truthrussia.ru

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ
БЕССОНОВ

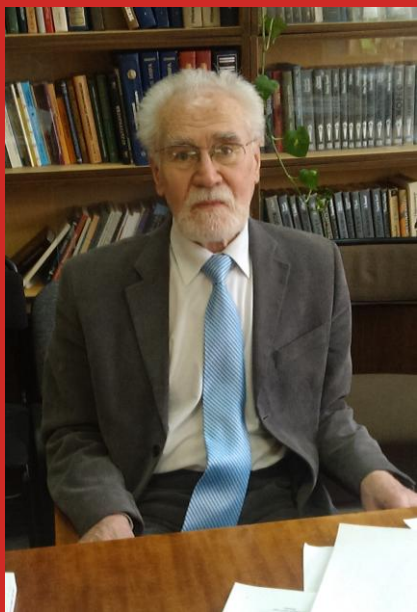
СОВЕТСКИЙ НАРОД – СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
В четырех частях. Часть третья

Академия гуманитарных исследований
Издательский дом «Гуманитарий»
E-mail: academyrh@list.ru

Технический редактор Л.О. Осепян
Верстка: А.А. Львова, Е.И. Романова, В.М. Топилина

Формат 60x90/16. Печать цифровая.
Бумага офсетная №1. Печ.л. 3,5. Тираж 2400. Заказ
Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
Москва, 127238, Ильменский пр., д. 1, стр. 6.

Борис Николаевич Бессонов – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных исследований.

Борис Николаевич – известный российский ученый-обществовед, автор многочисленных научных монографий и статей по проблемам политической философии и социально-политической теории.

Борис Николаевич Бессонов был ответственным работником ЦК КПСС, в 1984 – 1987 гг. консультантом, затем – руководителем группы консультантов отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС, в 1979– 1981 гг. был руководителем группы советских консультантов в отделе внутрипартийной учебы ЦК КП Кубы.

В 1987 – 1991 гг. Борис Николаевич заведовал кафедрой философии Академии общественных наук при ЦК КПСС, а с 1991 г. по 1994 г. – кафедрой философии Академии государственной службы при Президенте РФ.

С 1994 г. по 2001 г. работал в Российском Государственном торгово-экономическом университете (РГТЭУ) в качестве проректора, а с 2001 г. по 2005 г. – в качестве директора института социально-гуманитарных наук РГТЭУ.

С 2005 г. по настоящее время Борис Николаевич заведует общеуниверситетской кафедрой философии и религиоведения Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Большинство своих произведений, в том числе многие книги и статьи, Борис Николаевич Бессонов посвятил разоблачению бесчеловечной идеологии и преступной политики фашизма, убедительному показу великой духовной силы советских людей, сокрушивших фашизм и спасших человечество от фашистского варварства и порабощения.